

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ЛЮБВИ В
РОМАНАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» И Л.Н.ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031251
Шеханиной Татьяны Сергеевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент Кичигина В.В.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ».....	7
1.1. Своеобразие представления о любви в художественном мире Ф.М.Достоевского.....	7
1.2. Роман «Идиот» как роман о положительно прекрасном человеке.....	17
1.3. Любовь как синоним красоты и формы её воплощения в системе образов романа.....	24
1.3.1. Любовь-страсть (Парфён Рогожин).....	29
1.3.2. Любовь-жертва (Настасья Филипповна).....	31
1.3.3. Любовь-внимание (Аглая Епанчина).....	34
1.3.4. Любовь-доверие (князь Мышкин).....	37
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЮБОВНОГО ЧУВСТВА В КОНЦЕПЦИИ РОМАНА Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА».....	42
2.1. Особенности философских взглядов Л.Н.Толстого в конце 70-х гг. XIX в.....	42
2.2. Оппозиция «семья – любовь» в художественном мире романа «Анна Каренина» и её отражение в системе образов.....	45
2.2.1. Любовь – страсть (Анна Каренина).....	45
2.2.2. Любовь – «капкан» (Алексей Вронский).....	49
2.2.3. Любовь-флирт (Стива Облонский, Бетси Тверская).....	51
2.2.4. Любовь – долг (Константин Левин, Долли Облонская, Алексей Каренин).....	54
2.3. Сопоставительный анализ концепции любви у Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого.....	56
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ ЛЮБВИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Самыми знаковыми именами второй половины XIX века выступают Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой. Представляется интересным рассмотреть их взгляд на любовь, проявившийся в двух великих романах - «Анна Каренина» и «Идиот». Два великих классика, которые так и не познакомились при жизни, тем не менее, были очень близки в осмыслении любви как чувства глубоко нравственного, свойственного любому человеку.

Любовь и семья, являясь основой человеческих отношений, представляют собой нравственные ценности, необходимые для общества. И сегодня, в начале XXI-го столетия, когда происходит обесценивание многих этических понятий и наблюдается не только падение престижа семьи, но и её распад, тема «любовь и семья» приобретает первостепенное значение. Безусловно, для рассмотрения данной проблемы необходимо обратиться к духовному наследию прошлых веков, отразившему подобные феномены в жизни людей.

Во второй половине XIX - первой XX- го веков в России назревала деградация семьи, поэтому многие отечественные мыслители пытались анализировать такие важнейшие категории, как любовь и семья. Среди крупнейших религиозных философов этого периода, обратившихся к проблеме «Любовь и семья», необходимо назвать: В. С. Соловьёва, С. Л. Франка, В. В. Розанова и других. Конечно, их работы, имея общие точки соприкосновения, отличаются и неповторимым своеобразием при рассмотрении данной проблемы. Так, в сочинении В.С. Соловьёва «Смысл любви» не только говорится о божественной сущности любви и религиозном значении брака, но и опровергается теория зависимости половой любви от функции продолжения рода, раскрывается соотношение явлений половой любви и смерти [Соловьёв: 1991]. В работе С.Л. Франка «С нами Бог» отмечается, что любовь - основа христианской религии, а брак - религиозное преображение «эротической любви» [Франк: 2003, 604]. По-своему

оригинально и сочинение В.В. Розанова «Лунный свет», в котором он, обращаясь к проблеме любви, переосмысливает традиционные религиозные ценности, говоря о том, что монашество, безбрачие, представленное в христианстве как высшая степень служения Иисусу, уходит своими корнями к древнему культу «Небесной Девы», богини «Астарты», чей лик отождествлялся с луной [Розанов: 2008, 13]. Таким образом, Розанов представляет луну символом романтических, безбрачных отношений, а солнце - символом страсти, брака, деторождения [Розанов: 2008]. Интересна и другая работа мыслителя, посвящённая любви и браку, - «Третий пол», - в которой он раскрывает данную тему не только с позиций нравственности и религии, но и с точки зрения психологии, физиологии и медицины [Розанов: 2008, 33-188].

Большой вклад в рассмотрение этой проблемы внесли: известный религиозный философ Иван Александрович Ильин, чье наследие известно не только в России, но и за рубежом (об этом свидетельствуют работы: «Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина - обновление духовных основ человечества» В. Офферманса [Иван Ильин за 60 минут: 2007]; «Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение» Н. П. Полторацкого [Полторацкий: 1989], и, наконец, сам Л.Н. Толстой, работы которого тоже привлекли внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей [Greenwood: 1995; Fausset: 1995].

Понимание любви в творческом наследии И.А. Ильина тесно связано с осмыслением добра. По мнению философа, «добро есть одухотворенная (или, иначе, религиозно-опредмеченная, от слова «предмет») любовь» [Ильин: 1998, 339].

Об этом он говорит в одной из своих работ - статье «О сопротивлении злу силою», посвященной религиозно-нравственному учению Л.Н. Толстого. Наряду со слабыми положениями анализируемого им явления И.А. Ильин выделяет и такие сильные стороны христианского учения, подмеченные Л.Н. Толстым, как воздействие на зло добром, любовью. «Таинственный процесс

расцвета добра и преобразования зла осуществляется, конечно, любовью, а не принуждением, и противиться злу следует из любви, от любви и посредством любви» [Ильин: 1998, 341], - пишет И.А. Ильин. К проблеме любви философ в статье «О сопротивлении злу силою» подходит с религиозной точки зрения, ставя на первое место любовь к Богу, а на второе - любовь к ближнему. Только «научившись» «желать Божественное», по мнению И.А. Ильина, человек видит «тот божественный состав, который в Боге и через Бога указывает его «ближнего» и пробуждает в душе подлинную, духовную любовь к нему» [Ильин: 1998, 341].

В другой своей работе - «Путь духовного обновления» - И.А. Ильин, рассматривая сущность и различные виды любви («любовь инстинкта и любовь духа» [Ильин: 1998, 177]), говорит о взаимоотношениях полов и представляет как конечный результат такой любви семью. «Всякая настоящая семья, - отмечает философ, - возникает из любви и дает человеку счастье» [там же: 187].

Актуальность данного исследования определяется его темой, поскольку любовь – это то чувство, постичь которое значит постичь смысл жизни. Осмысление данной темы сделало великих классиков русской литературы именами первой величины не только на родине, но и в мировых масштабах.

Целью нашей работы является сопоставление концепции любви в художественных системах романов «Идиот» Ф.М.Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н.Толстого. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотреть концепцию любви, выраженную в художественной системе романа Ф.М.Достоевского «Идиот»
2. Выявить основные формы выражения любовного чувства в концепции романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина»

3. Сопоставить два уровня философского мировоззрения и проследить сходство и различие в осмыслении данной темы у Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого.

4. Рассмотреть методический аспект преподавания данной темы в средней школе

Целями и задачами работы определяется и её *структура*, включающая в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы и библиографию.

Во введении обосновывается актуальность данного исследования, определяются его цели и задачи; первая глава рассматривает концепцию любви в романе Ф.М.Достоевского «Идиот» и способы выражения авторской идеи в нём; вторая глава – «Основные формы выражения любовного чувства в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина»» - посвящена формам художественного воплощения идеи Л.Н.Толстого; здесь же предпринята попытка сопоставления двух взглядов на любовь. Третья глава рассматривает методические аспекты преподавания данной проблемы в старших классах средней школы. Заключение подводит итоги исследования; в библиографическом разделе представлена литература по теме.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

1.1. Своеобразие представления о любви в художественном мире Ф.М.Достоевского

Все творчество Достоевского насыщено жгучей и страстной любовью. Все происходит в атмосфере напряженной страсти. Он открывает в русской стихии начало страстное и сладострастное. Ничего подобного нет у других русских писателей. Николай Бердяев по этому поводу писал: «Та народная стихия, которая раскрылась в нашем хлыстовстве, обнаружена Достоевским и в нашем интеллигентном слое. Это – дионисическая стихия» [Бердяев: 1993, 115]. Любовь у Достоевского исключительно дионисична. Она терзает человека. Путь человека у Достоевского есть путь страдания. Любовь у него – вулканические извержения, динамитные взрывы страстной природы человека. Эта любовь не знает закона и не знает формы. В ней выявляется глубина человеческой природы. В ней все та же страстная динамичность, как и во всем у Достоевского. Это – «огонь поедающий и огненное движение. Потом огонь этот превращается в ледяной холод. Иногда любящий представляется нам потухшим вулканом» [Бердяев: 1993, 115-116].

Любви принадлежит огромное место в творчестве Достоевского. Говоря об особенностях её воплощения, Н.Бердяев отмечает, что любовь у писателя «не самоценна, она не имеет своего образа, она есть лишь раскрытие трагического пути человека, есть испытание человеческой свободы» [там же, 116]. Тут любви принадлежит совсем иное место, чем у Пушкина любви Татьяны или у Толстого любви Анны Карениной и совсем иное положение занимает женственное начало. Женщине, по мысли философа, не принадлежит в творчестве Достоевского самостоятельного места. Антропология Достоевского – исключительно мужская антропология, - считает он. «Мы увидим, что женщина интересует Достоевского

исключительно как момент в судьбе мужчины, в пути человека. Человеческая душа есть прежде всего мужской дух. Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа, внутренний соблазн» [Бердяев: 1993, 117].

Какие образы любви оставил нам Достоевский? Любовь Мышкина и Рогожина к Настасье Филипповне, любовь Мити Карамазова к Грушеньке и Версилова к Екатерине Николаевне, любовь Ставрогина ко многим женщинам. Нигде нет прекрасного образа любви, нигде нет женского образа, который имел бы самостоятельное значение. Всегда мучит трагическая судьба мужчины. Женщина есть лишь внутренняя мужская трагедия.

Достоевский раскрывает безвыходный трагизм любви, неосуществимость любви, нереализуемость ее на путях жизнеустроения. Так же убийственна у него любовь, как у Тютчева:

*О, как убийственно мы любим,
Как в бурной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.*

Этой мысли Н. Бердяева вторит Д.Мережковский: «У Достоевского нет ни прелести любви, ни благообразия жизни семейной. Он берет человека в тот момент его судьбы, когда пошатнулись уже все устои жизни. Он не раскрывает нам высшей любви, которая ведет к подлинному соединению и слиянию. Тайна брачная не осуществляется. Любовь есть исключительно трагедия человека, раздвоение человека. Любовь есть начало в высшей степени динамическое, накаляющее всю атмосферу и вызывающее вихри, но любовь не есть достижение, в ней ничего не достигается. Она влечет к гибели» [Мережковский: 1995, 211].

Достоевский раскрывает любовь как проявление человеческого своеволия. Она раскалывает и раздваивает человеческую природу. Поэтому она никогда не есть соединение и к соединению не приводит. В творчестве Достоевского есть лишь одна тема – трагическая судьба человека, судьба

свободы человека. Любовь лишь один из моментов в этой судьбе. Но судьба человека есть лишь судьба Раскольникова, Ставрогина, Кириллова, Мышкина, Версилова, Ивана, Дмитрия и Алеши Карамазовых. Это не есть судьба Настасьи Филипповны, Аглаи, Лизы, Елизаветы Николаевны, Грушеньки и Екатерины Николаевны. Это – мужская судьба. «Женщина есть лишь встретившаяся в этой судьбе трудность, она не сама по себе интересует Достоевского, а лишь как внутреннее явление мужской судьбы» [Бердяев: 1993, 116].

У Достоевского нельзя найти культа вечной женственности. И то особенное отношение, которое у него было к матери – сырой земле и к Богородице, не связано никак с его женскими образами и с изображением любви. Лишь в образе Хромоножки как будто что-то приоткрылось. Но и это обычно слишком преувеличивают. Достоевского интересует Ставрогин, а не Хромоножка. Она была лишь его судьбой. В своем творчестве Достоевский раскрывает трагический путь своего мужского духа, который был для него путем человека. Женщина играла большую роль на этом пути. Но женщина есть лишь соблазн и страсть мужчины. У Достоевского нет ничего подобного проникновению Толстого в женские образы Анны Карениной или Наташи. Анна Каренина не только имеет самостоятельную жизнь, но она главное центральное лицо. Настасья Филипповна и Грушенька – лишь стихии, в которые погружены судьбы мужчин, они не имеют своей собственной судьбы. Судьба Мышкина и Рогожина интересует Достоевского, а Настасья Филипповна есть то, в чем осуществляется эта судьба. Он не способен жить с Настасьей Филипповной так, как Толстой жил с Анной Карениной. Женская inferнальность интересует Достоевского лишь как стихия, пробуждающая мужскую страсть и раздваивающая личность мужчины. Мужчина оказывается замкнутым в себе, он не выходит из себя в другое, женское бытие. Женщина есть лишь сведение мужских счетов с самим собою, лишь решение своей мужской, человеческой темы. Судьба человека для Достоевского есть судьба личности, личного начала в человеке. Но личное

начало есть по преимуществу мужское начало. Поэтому у Достоевского такой исключительный интерес к мужской душе и незначительный интерес к душе женской. По истории женской души нельзя проследить судьбы человеческой личности. И поэтому женщина может быть интересна лишь как стихия и атмосфера, в которой протекает судьба мужчины, судьба личности по преимуществу. Мужчина у Достоевского приковывается к женщине страстью. Но это остается как бы его делом с самим собой, со своей страстной природой. Он никогда не соединяется с женщиной. И потому, быть может, так истерична женская природа у Достоевского, потому так надрывна, что она обречена на несоединенность с природой мужской. Достоевский утверждает безысходный трагизм любви. Он так и не раскрывает нам андрогинной человеческой природы. Человек остается у него трагически раздвоенным мужчиной, не имеющим своей Софии, своей Девы. Достоевский недостаточно сознавал, что природа человека – андрогинна, как то открывалось великим мистикам, Якову Бёме и другим. И глубока у него была только постановка темы, что женщина – судьба человека, Но он сам оставался разъединенным с женской природой и познал до глубины лишь раздвоение. Человек для него – мужчина, а не андрогин.

Эту мысль Николай Бердяев последовательно развивает в своей работе «Мирозерцание Достоевского». На наш взгляд, это наиболее полное отражение философии писателя, и все последующие работы более или менее полно повторяют её. «В трагедии мужского духа, - пишет он далее, - женщина означает раздвоение. Половая любовь, страсть говорит об утере целостности человеческой природы. Поэтому страсть не целомудренна. Целомудрие есть целостность. Разврат есть разорванность» [Бердяев: 1993, 117]. Достоевский проводит человека через раздвоение во всем. И любовь раздвоена у него на два начала. И любят у него обычно двух. Двойная любовь и двоение в любви изображены им с необычайной силой. Он раскрывает в любви два начала, две стихии, две бездны, в которые проваливается человек, – бездну сладострастия и бездну сострадания.

Любовь всегда у Достоевского доходит до предела, он исходит от исступленного сладострастия и от исступленного сострадания. Достоевского только и интересовало выявление этих предельных стихий любви. Его не интересовала мера в любви. Он ведь производил эксперименты над человеческой природой и хотел исследовать глубину ее, поставив человека в исключительные условия. Любовь всегда двоятся у Достоевского, предмет любви двоятся. Нет единой, целостной любви. Так и должно быть в путях своеволия человека, считает философ. «В этом двоении происходит существенное повреждение личности. Человеческой личности угрожает потерять целостность своего образа. И любовь-сладострастие и любовь-сострадание, не знающие меры, ничему высшему не подчиненные, одинаково сжигают, испепеляют человека» [Бердяев: 1993, 118].

В глубине самого сострадания Достоевский открывает своеобразное сладострастие. Страсть нецельного, раздвоенного человека переходит в исступление, и раздвоенность, разорванность этим не преодолевается. Он остается в самом себе, в своем раздвоении. Он вносит в любовь это свое раздвоение. Любовь влечет к гибели на противоположных своих полюсах. Соединение, целостность, победа над раздвоением никогда не достигается. Ни беспредельное сладострастие, ни беспредельное сострадание не соединяет с любимым. Человек остается одиноким, предоставленным себе в своих полярных страстях, он лишь истощает свои силы. Любовь у Достоевского почти всегда демонична, она порождает беснование, накаляет окружающую атмосферу до белого каления. Не только любящие начинают сходить с ума, но начинают сходить с ума и все окружающие. Исступленная любовь Версилова к Екатерине Николаевне создает атмосферу безумия, она всех держит в величайшем напряжении. Токи любви, соединяющие Мышкина, Рогожина, Настасью Филипповну и Аглаю, накаляют всю атмосферу. Любовь Ставрогина и Лизы порождает бесовские вихри. Любовь Мити Карамазова, Ивана, Грушеньки и Екатерины Ивановны влечет к преступлению, сводит с ума. И никогда и нигде любовь не находит себе

успокоения, не ведет к радости соединения. Нет просвета любви. Повсюду раскрывается неблагополучие в любви, темное и истребляющее начало, мучительность любви. Любовь не преодолевает раздвоения, а еще более его углубляет. Две женщины, как две страдающие стихии, всегда ведут беспощадную борьбу из-за любви, истребляют себя и других. Так сталкиваются Настасья Филипповна и Аглая в «Идиоте», Грушенька и Екатерина Ивановна в «Братьях Карамазовых». Есть что-то не знающее пощады в соревновании и борьбе этих женщин.

Та же атмосфера соревнования и борьбы женских страстей есть и в «Бесах», и в «Подростке», хотя и в менее выпуклой форме. Мужская природа раздвоена. Женская природа не просветлена, в ней есть притягивающая бездна, но никогда нет ни образа благословенной матери, ни образа благословенной девы. Вина тут лежит на мужском начале. Оно оторвалось от начала женского, от матери-земли, от своей девственности, т.е. своего целомудрия и цельности, и пошло путем блужданий и двоений. Мужское начало оказывается бессильным перед женским началом. Ставрогин бессилён перед Лизой и Хромоножкой, Версилов бессилён перед Екатериной Николаевной, Мышкин бессилён перед Настасьей Филипповной и Аглаей, Митя Карамазов бессилён перед Грушенькой и Екатериной Ивановной. Мужчины и женщины остаются трагически разделёнными и мучают друг друга. Мужчина бессилён овладеть женщиной, он не принимает женской природы внутрь себя и не проникает в нее, он переживает ее как тему своего собственного раздвоения [Бердяев: 1993, 119-120].

Тема двойной любви занимает большое место в романах Достоевского. Образ двойной любви особенно интересен в «Идиоте». Мышкин любит и Настасью Филипповну и Аглаю. Мышкин – чистый человек, в нем есть ангелическая природа. Он свободен от темной стихии сладострастия. Но и его любовь – больная, раздвоенная, безысходно-трагическая. И для него двойится предмет любви. И это двоение есть лишь столкновение двух начал в нем самом. Он бессилён соединиться и с Аглаей, и с Настасьей

Филипповной, он по природе своей не способен к браку, к брачной любви. Образ Аглаи пленяет его, и он готов быть ее верным рыцарем. Но если другие герои Достоевского страдают от избытка сладострастия, то он страдает от его отсутствия. У него нет и здорового сладострастия. Его любовь бесплотна и бескровна. Но с тем большей силой выражается у него другой полюс любви, и перед ним разверзается другая ее бездна. Он любит Настасью Филипповну жалостью, состраданием, и сострадание его беспредельно. Есть что-то испепеляющее в этом сострадании. В сострадании своем он проявляет своеволие, он переходит границы дозволенного. Бездна сострадания поглощает и губит его. Он хотел бы перенести в вечную божественную жизнь то надрывное сострадание, которое порождено условиями относительной земной жизни. По словам Бердяева, «он хочет Богу навязать свое беспредельное сострадание к Настасье Филипповне. Он забывает во имя этого сострадания обязанности по отношению к собственной личности. В сострадании его нет целостности духа, он ослаблен раздвоением, так как он любит и Аглаю другой любовью» [Бердяев: 1993, 121].

Самое замечательное изображение любви дано Достоевским в «Подростке», в образе любви Версилова к Екатерине Николаевне. Любовь Версилова связана с раздвоением его личности. У него тоже двоящаяся любовь, любовь-страсть к Екатерине Николаевне и любовь-жалость к матери подростка, его законной жене. И для него любовь не есть выход за пределы своего «я», не есть обращенность к своему другому и соединение с ним. Любовь эта – внутренние счеты Версилова с самим собою, его собственная, замкнутая судьба. Личность Версилова всем представляется загадочной, в жизни его есть какая-то тайна. В «Подростке», как и в «Бесах», как и во многих других произведениях, Достоевский прибегает к такому художественному приему, что действие романа начинается после того, как в жизни героев происходит что-то очень важное, определяющее дальнейшее течение событий. Важное событие романа Версилова разыгралось в прошлом, за границей, и на наших глазах изживаются лишь последствия

этого события. Женщина играет огромную роль в жизни Версилова. Он – «бабий пророк». Но он так же не способен к брачной любви, как не способен к ней Ставрогин. Затаенная, не находящая себе выхода, обреченная на гибель любовь Версилова раскаляет вокруг всю атмосферу, порождает вихри. Все точно в исступлении от затаенной страсти Версилова.

Так всегда у Достоевского – внутреннее состояние человека, хотя бы ни в чем не выраженное, отражается на окружающей атмосфере. В сфере подсознательного окружающие люди подвергаются сильному воздействию внутренней, глубинной жизни героя. Лишь под конец прорывается безумная страсть Версилова. Он совершает целый ряд бессмысленных действий, обнаруживая этим свою тайную жизнь. Встреча и объяснение Версилова с Екатериной Николаевной в конце романа принадлежат к самым замечательным изображениям любовной страсти. Вулкан оказался не окончательно потухшим. Огненная лава, которая составляла внутреннюю подпочву атмосферы «Подростка», наконец прорвалась. «Я вас истреблю», – говорит Версиров Екатерине Николаевне и обнаруживает этим демоническое начало своей любви. Любовь Версилова совершенно безнадежна и безысходна. Она никогда не узнает тайны и таинства соединения. В ней мужская природа остается оторванной от женской.

Достоевский глубоко исследует проблему сладострастия. Н. Бердяев выстраивает интересную логическую цепочку зависимости сладострастия от безбожия: «Сладострастие переходит в разврат. Разврат есть явление не физического, а метафизического порядка. Своеволие порождает раздвоение. Раздвоение порождает разврат, в нем теряется целостность. Целостность есть целомудрие. Разврат же есть разорванность. В своем раздвоении, разорванности и развратности человек замыкается в своем «я», теряет способность к соединению с другим, «я» человека начинает разлагаться, он любит не другого, а самую любовь. Настоящая любовь есть всегда любовь к другому, разврат же есть любовь к себе. Разврат есть самоутверждение. И самоутверждение это ведет к самоистреблению» [Бердяев: 1993, 123] .

Раздвоение, считает Н.Бердяев, подрывает силы личности. Раздвоение может быть лишь преодолено избранием, избирающей любовью, направленной на определенный предмет,— на Бога, отметая дьявола, на Мадонну, отметая Содом, на конкретную женщину, отметая дурную множественность неисчислимого количества других женщин. Разврат есть следствие неспособности к избранию, результат утери свободы и центра воли, погружение в небытие вследствие бессилия завоевать себе царство бытия. Разврат есть линия наименьшего сопротивления. К разврату следует подходить не с моралистической, а с онтологической точки зрения. Так и делает Достоевский.

Христианство есть религия любви. И Достоевский принял христианство прежде всего как религию любви. Русский Христос у Достоевского есть прежде всего провозвестник бесконечной любви. Но подобно тому как в любви мужчины и женщины раскрывает Достоевский трагическое противоречие, оно раскрывается ему и в любви человека к человеку. У Достоевского была замечательная мысль, что любовь к человеку и человечеству может быть безбожной любовью. Не всякая любовь к человеку и человечеству есть христианская любовь. В гениальной по силе прозрения утопии грядущего, рассказанной Версиловым, люди прилепляются друг к другу и любят друг друга, потому что исчезла великая идея Бога и бессмертия.

Это – любовь противоположная христианской, не от смысла бытия, а от бессмыслицы бытия, не для утверждения вечной жизни, а для использования преходящего мгновения жизни. Это – фантастическая утопия. Такой любви никогда не будет в безбожном человечестве; в безбожном человечестве будет то, что нарисовано в «Бесах». Никогда ведь не бывает того, что преподносится в утопиях. Но эта утопия очень важна для раскрытия идеи Достоевского о любви. Безбожное человечество должно прийти к жестокости, к истреблению друг друга, к превращению человека в простое средство.

«Есть любовь к человеку в Боге, - размышляет Н.Бердяев. - . Она раскрывает и утверждает для вечной жизни лик каждого человека. Только это и есть истинная любовь, любовь христианская. Истинная любовь связана с бессмертием, она и есть не что иное, как утверждение бессмертия, вечной жизни. Это – мысль центральная для Достоевского» [Бердяев: 1973, 125]. Истинная любовь связана с личностью, личность связана с бессмертием. Это верно и для любви эротической и для всякой иной любви человека к человеку. Но есть любовь к человеку вне Бога; она не знает вечного лика человека, ибо он лишь в Боге существует. Она не направлена на вечную, бессмертную жизнь. Это – безличная, коммунистическая любовь, в которой люди прилепляются друг к другу, чтобы не так страшно было жить потерявшим веру в Бога и в бессмертие, т. е. в Смысл жизни. Это – последний предел человеческого своеволия и самоутверждения. В безбожной любви человек отрекается от своей духовной природы, от своего первородства, он предаёт свою свободу и бессмертие. Сострадание к человеку как к трупешущей, жалкой твари, игриалищу бессмысленной необходимости – есть последнее прибежище идеальных человеческих чувств, после того как угасла всякая великая Идея и утерян Смысл. Но это не христианское сострадание.

Для христианской любви каждый человек есть брат. Такая любовь есть узрение богосыновства каждого человека, образа и подобия Божьего в каждом человеке. Человек прежде всего должен любить Бога. Это – первая заповедь. А за ней следует заповедь любви к ближнему. Любить человека только потому и возможно, что есть Бог, единый Отец. Его образ и подобие мы должны любить в каждом человеке. Любить человека, если нет Бога, – значит человека почитать за Бога. И тогда подстерегает человека образ человекобога, который должен поглотить человека, превратить его в свое орудие. Так невозможной оказывается любовь к человеку, если нет любви к Богу. И Иван Карамазов в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» говорит, что любить ближнего невозможно. Антихристианское

человеколюбие есть лживое, обманчивое человеколюбие. Идея человекобога истребляет человека, лишь идея Богочеловека утверждает человека для вечности.

Безбожная, антихристианская любовь к человеку и человечеству – центральная тема «Легенды о Великом Инквизиторе» в последнем романе писателя. Достоевский много раз подходил к этой теме – отрицанию Бога во имя человеколюбия, во имя счастья людей в этой краткой земной жизни. И всякий раз являлось у него сознание необходимости соединения любви со свободой. Соединение любви со свободой дано в образе Христа. Любовь мужчины и женщины, любовь человека к человеку становится безбожной любовью, когда теряется духовная свобода, когда исчезает лик, когда нет в ней бессмертия и вечности. Настоящая любовь есть утверждение вечности.

Таким образом, концепция любви у Достоевского тесно связана с его Христоцентрическим мировоззрением. Любовь человеческая у писателя всегда раздвоена, противоречива, пытается соединить в себе божественное и отрицающее бога начала. Эта раздвоенность свойственна и мужским персонажам его романов как носителям идеи, в том числе, и идеи Христа, и женским, которым свойственна борьба жертвенности и себялюбия в желании обладания любимым существом. Поэтому любовь у Достоевского – это всегда двое, всегда диалог, который может быть характерной особенностью раздвоенного сознания героя или же наличием его двойника. Это противоречие, по мысли Достоевского, можно преодолеть только в активном принятии идеи Христа – сердцем, а не разумом, душой, а не «математикой»

1.2. Роман «Идиот» как роман о положительно прекрасном человеке

Роман «Идиот» Достоевский задумал как продолжение «Преступления и наказания». Главным героем его является «обновленный Раскольников», «исцелившийся» от гордыни человек, князь Мышкин, носитель «положительно-прекрасного» идеала. Неслучайно в рукописи он называется

иногда «князем Христом». Роман «Идиот» – драматический эксперимент писателя над дорогой для него идеей. Разумеется, Мышкин – не Христос, а смертный человек, но из числа тех, избранных, кто сумел приблизиться к этому сияющему идеалу, кто глубоко носит его в сердце своем. Писатель осознавал степень риска, на который он решался в своем романе: создать «положительно прекрасного» человека в момент, когда его еще нет в действительности, когда такой идеал ни в России, ни в Западной Европе еще не выработался. С этим связана некоторая условность в обрисовке того, как сформировался характер князя. Мы знаем только о его тяжелом психическом заболевании, которое он одолел в Швейцарии, долгое время живя вне цивилизации, вдали от современных людей.

Его возвращение в Россию, в кипящий эгоистическими страстями Петербург напоминает отдаленно «второе пришествие» Христа к людям в их запутанную, «греховную» жизнь. У князя Мышкина в романе особая миссия. По замыслу автора он призван исцелять пораженные эгоизмом души людей. Как христианство пустило корни в мире через проповедь двенадцати апостолов, так и Мышкин должен возродить в мире утраченную веру в высшее добро. Своим приходом и деятельным участием в судьбах людей он должен вызвать цепную реакцию добра, продемонстрировать исцеляющую силу великой христианской идеи.

Замысел романа скрыто полемичен: Достоевский хочет доказать, что учение социалистов о бессилии единичного добра, о неисполнимости идеи «нравственного самоусовершенствования» есть нелепость. Князя Мышкина отличает от всех других героев романа естественная «детскость» и связанная с нею «непосредственная чистота нравственного чувства». Возможно, Достоевский держал здесь в уме «Детство» Л. Н. Толстого и потому дал своему герою толстовское имя и отчество – Лев Николаевич. В общении с окружающими людьми он не признает никаких сословных разграничений и прочих барьеров, рожденных цивилизацией. Уже в приемной генерала Епанчина он ведет себя как равный с его лакеем и наводит последнего на

мысль, что «князь просто дурачок и амбиции не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить...» [Достоевский: 1989, 25]¹.

И тем не менее «князь почему-то ему нравился», и «как ни крепился лакей, а невозможно было не поддержать такой учтивый и вежливый разговор» (с. 26). Мышкин совершенно свободен от ложного самолюбия, которое сковывает в людях свободные и живые движения души. В Петербурге все «блюдут себя», все слишком озабочены тем впечатлением, которое производят на окружающих. Все очень боятся прослыть смешными, раскрыть себя. Князь начисто лишен эгоизма и оставлен Достоевским при открытых источниках сердца и души. В его «детскости» есть редчайшая душевная чуткость и пронизательность. Он глубоко чувствует чужое «я», чужую индивидуальность и легко отделяет в человеке подлинное от наносного, искреннее от лжи. Он видит, что эгоизм – лишь внешняя скорлупа, под которой скрывается чистое ядро человеческой индивидуальности. Своей доверчивостью он легко пробивает в людях кору тщеславия и высвобождает из плена лучшие, сокровенные качества их душ.

В отличие от многих Мышкин не боится быть смешным, не опасается унижения и обиды. Получив пощечину от самолюбивого Ганечки Иволгина, он тяжело переживает, но не за себя, а за Ганечку: «О, как вы будете стыдиться своего поступка!» - восклицает он в порыве сострадания к тому, кто нанёс ему этот удар (с. 123). Его нельзя обидеть, потому что он занят не собой, а душой обижающего человека. Он чувствует, что человек, пытающийся унижить другого, унижает в первую очередь самого себя. В князе Мышкине в высшей степени развита бескорыстная, отзывчивая пушкинская человечность, выраженная в известных строках: «Как дай вам Бог любимой быть другим».

¹ Далее текст романа цитирую по этому изданию с указанием страницы в скобках

Пушкинская всечеловечность, талант воплощать в себе гении других народов со всей «затаенной глубиной» их духа проявляется у Мышкина и в его необыкновенных каллиграфических способностях, в умении передать через каллиграфию особенности разных культур и даже разных человеческих характеров. «— *Игумен Пафнутий, четырнадцатого столетия, — начал князь, — он правил пустыню на Волге, в нынешней нашей Костромской губернии. Известен был святою жизнью, ездил в Орду, помогал устраивать тогдашние дела и подписался под, одною грамотой, а снимок с этой подписи я видел. Мне понравился почерк, и я его заучил. Когда давеча генерал захотел посмотреть, как я пишу, чтоб определить меня к месту, то я написал несколько фраз разными шрифтами, и между прочим «Игумен Пафнутий руку приложил» собственным почерком игумена Пафнутия. Генералу очень понравилось, вот он теперь и вспомнил» (с.125).*

Князь легко прощает людям их эгоизм, потому что знает, что любой эгоист втайне глубоко страдает от своего эгоизма и одиночества. Проницательный, наделенный даром сердечного понимания чужой души, Мышкин действует на каждого обновляюще и исцеляюще. С ним все становятся чище, улыбчивее, доверчивее и откровеннее. Но такие порывы сердечного общения в людях, отравленных ядом эгоизма, и благотворны и опасны тем не менее. Мгновенные, секундные исцеления в этих людях сменяются вспышками еще более иступленной гордости. Получается, что своим влиянием князь и пробуждает сердечность, и обостряет противоречия больной, тщеславной души современного человека. Спасая мир, он провоцирует катастрофу. Эта центральная, трагическая линия романа раскрывается в истории любви князя к Настасье Филипповне.

Встреча с Настасьей Филипповной – это экзамен, испытание способностей князя исцелять болезненно гордые сердца людей. Прикосновение Мышкина к ее израненной жизнью душе не только не смягчает, но обостряет свойственные ей противоречия. Роман заканчивается гибелью героини.

Настасья Филипповна – человек, в юношеском возрасте преданный поруганию и затаивший обиду на людей и мир. Богатый господин Тоцкий еще девочкой пригрел ее, круглую сироту, взял на воспитание, дал прекрасное образование, а потом обольстил, превратил в наложницу и бросил. Эта душевная рана постоянно болит у Настасьи Филипповны и порождает противоречивый комплекс чувств. С одной стороны, в ней есть доверчивость и простодушие, тайный стыд за незаслуженное, но совершившееся нравственное падение, а с другой – сознание оскорбленной гордости. Это невыносимое сочетание противоположных чувств – уязвленной гордости и скрытой доверчивости – замечает пронизательный Мышкин еще до непосредственного знакомства с героиней, при одном взгляде на ее портрет: *«Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное»* (с.23).

При людях на поверхности души героини бушуют гордые чувства презрения к людям, доводящие ее порой до цинических поступков. Но в этом цинизме она лишь пытается всем доказать, что пренебрегает их низким мнением о себе. А в глубине той же души просыпается чуткое, сердечное существо, жаждущее любви и прощения. В тайных мыслях Настасья Филипповна ждет человека, который придет к ней и скажет, что она невиновна, поймет, и простит. И вот давно ожидаемое чудо свершается, такой человек приходит и даже предлагает ей руку и сердце. Но вместо ожидаемого мира он приносит Настасье Филипповне обострение страданий.

Появление князя не только не успокаивает, но доводит до парадокса, до трагического разрыва противоречивые полюсы ее души. На протяжении всего романа Настасья Филипповна и тянется к Мышкину, и отталкивается от него. Чем сильнее притяжение – тем решительнее отталкивание: колебания нарастают и завершаются катастрофой.

В этой связи имеет смысл вспомнить размышления о раздвоенном, противоречивом характере любви у героев Достоевского Николая Бердяева,

приведённое нами в предыдущем параграфе данной главы. Внимательно вчитываясь в роман, убеждаешься, что героиня притягивается к Мышкину и отталкивается от него по двум полностью противоположным психологическим мотивам. Во-первых, князь в ее представлении окружен ореолом святости. Он настолько чист и прекрасен, что к нему страшно прикоснуться. Смеет ли она после всего, что было с нею, осквернить его своим прикосновением. Это чувство благоговения к святыне и влечет героиню к князю, и останавливает на полпути: Возможность уважения к себе со стороны этого человека она считает невыносимой: *«Я, говорит, известно какая. Я Тоцкого наложницей была»* (с.127). Из любви к Мышкину, к его чистоте она уступает его другой, более достойной и отходит в сторону. Во-вторых, рядом с психологическими мотивами, идущими из глубины ее сердца, возникают и другие, самолюбивые чувства.

Отдать руку князю - это значит забыть обиду, простить людям ту бездну унижения, в которую они ее бросили. Легко ли человеку, в душе которого так долго вытаптывали все святое, заново поверить в чистую любовь, добро и красоту? И не будет ли для униженной личности такое добро оскорбительным, порождающим вспышку гордости? *«В своей гордости,- говорит князь,- она никогда не простит мне любви моей»* (с.276). Так рядом с преклонением пред святыней рождается злоба.

Настасья Филипповна обвиняет князя в том, что он слишком высоко себя ставит, что его сострадание унижительно. Таким образом, героиня влечется к князю из жажды идеала, любви, прощения и одновременно отталкивается от него - то по мотивам собственной недостойности, то из побуждений уязвленной гордости, не позволяющей забыть обиды и принять любовь и прощение. «Замирения» в ее душе не происходит, напротив, нарастает «бунт», завершающийся тем, что она фактически сама «набегает» на нож ревниво любящего ее купца Рогожина.

Таким образом, трагический финал романа предопределён: *«когда, уже после многих часов, отворилась дверь и вошли люди, то они застали*

убийцу в полном беспамятстве и горячке. Князь сидел подле него неподвижно на подстилке и тихо, каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащею рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его. Но он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окруживших его людей. И если бы сам Шнейдер (врач Мышкина.- Т.Ш.) явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то и он, припомнив то состояние, в котором бывал иногда князь в первый год лечения своего в Швейцарии, махнул бы теперь рукой и сказал бы, как тогда: «Идиот!» (с.498).

Так, обострив до катастрофы противоречия в эгоистических душах людей, сам князь не выдержал вызванных им противоречий: душа его надломилась, он оказался теперь уже неизлечимым пленником психической болезни.

Такой финал романа вызывает противоречивые интерпретации. Многие считают, что Достоевский волей-неволей показал крах великой миссии спасения и обновления мира на пути христианского усовершенствования людей.

Однако, например, Ю.Лебедеву более достоверной кажется иная трактовка романа. В нем неспроста высказывается мысль, что «рай – вещь трудная». Христианское добро и милосердие князя действительно обостряют противоречия в захваченных эгоизмом душах людей. Но обострение противоречий свидетельствует, что души их к такому добру равнодушны. Прежде чем добро восторжествует, неизбежна напряженная и даже трагическая борьба его со злом в сознании людей. Исследователь считает, что духовная смерть Мышкина наступает лишь тогда, когда он в меру своих сил и возможностей отдал себя людям целиком, заронив в их сердца семена добра. Только страдальческими путями добудет человечество внутренний свет христианского идеала. Вспомним любимые Достоевским слова из Евангелия: «Истинно, истинно глаголю вам, аще пшеничное зерно, падши в

землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Лебедев: 2007, 378].

1.3. Любовь как синоним красоты и формы её воплощения в системе образов романа

«Любовь столь всесильна, что перерождает и нас самих» [Достоевский, т.14, 1989: 63], - в этом известном изречении Ф.М. Достоевский выразил свое особое видение любви, которое занимает важное место в философии Достоевского. Для него любовь оказывается содержанием нравственного закона, полным и предельным выражением свободы личности, одновременно связанной с жертвой к ближнему. Любовь – органическое свойство человеческой природы, великая сила и божественный дар. Любовь выше бытия, она преобразует его. Человек, который испытывает любовь, преодолевает в себе темное начало, «сознает многое» и, следовательно, воспринимает жизнь во всей полноте. Эта великая сила не только просветляет душу человека, пробуждает человеческое в человеке, но и объединяет людей. Любовь направляет их деятельность в правильное русло, а именно – на благо всему человечеству

В «Идиоте» писатель избрал своим главным героем, по собственному определению, «положительно-прекрасного», идеального человека, стремящегося внести гармонию и примирение в нескладицу общественной жизни, и провел его через поиски и испытания, приводящие к трагическому концу. Ещё раньше, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский выразил свой этический идеал. Как на проявление «высочайшего развития личности», «высочайшей свободы собственной воли» он указал на «совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех», так «чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [Достоевский,

Т. 4, 1989: 428]. Эта формула нашла свое художественное воплощение в образе Мышкина.

В поисках нравственного идеала Достоевский пленился «личностью» Христа и говорил, что Христос нужен людям как символ, как вера, иначе рассыплется само человечество, погрязнет в игре корыстных интересов. Истина для него — плод усилий разума, а Христос — нечто органическое, вселенское, всепокоряющее. Конечно, знак равенства (Мышкин — Христос) условный, Мышкин — обыкновенный человек, но тенденция приравнять героя ко Христу есть: полная нравственная чистота сближает Мышкина со Христом. И внешне Достоевский их сблизил: Мышкин в возрасте Христа, каким он изображается в Евангелии, ему двадцать семь лет, он бледный, с впалыми щеками, с легонькой, востренькой бородкой, глаза его большие, пристальные. Вся манера поведения, разговора, всепрощающая душевность, огромная пронизательность, лишенная всякого корыстолюбия и эгоизма, безответность при обидах — все это имеет печать идеальности.

Мышкин задуман как человек, предельно приблизившийся к идеалу Христа. Но деяния героя излагались как вполне реальная биография. Швейцария введена в роман неслучайно: с ее горных вершин и снизошел Мышкин к людям. Бедность и болезненность героя, когда и титул «князь» звучит как-то некстати, знаки его духовной просветленности, близости к простым людям несут в себе нечто страдальческое, родственное христианскому идеалу, и в Мышкине вечно остается нечто младенческое.

Напоминают о Христе и смутные воспоминания Мышкина о жизни в Швейцарии, в частности, о детях и бедной девочке Мари.

С другой стороны, Достоевскому важно было, чтобы Мышкин не получился евангельской схемой. Писатель наделил его некоторыми автобиографическими чертами. Это придавало образу жизненность. Мышкин болен эпилепсией — это многое объясняет в его поведении. Достоевский стоял однажды на эшафоте, и Мышкин ведет рассказ в доме Епанчиных о том, что чувствует человек за минуту до казни: ему об этом рассказывал один

больной, лечившийся у профессора в Швейцарии. Мышкин, как и автор, — сын захудалого дворянина и дочери московского купца. Появление Мышкина в доме Епанчиных, его несветскость — также черты автобиографические: так чувствовал себя Достоевский в доме генерала Корвин-Круковского, когда ухаживал за старшей из его дочерей, Анной. Она слыла такой же красавицей и «идолом семьи», как Аглая Епанчина

Мышкин — воплощение любви христианской. Но такую любовь, любовь-жалость, не понимают, она людям непригодна, слишком высока и непонятна: «надо любовью любить». Достоевский оставляет этот девиз Мышкина без всякой оценки; такая любовь не приживается в мире корысти, хотя и остается идеалом. Жалость, сострадание — вот первое, в чем нуждается человек в страшном мире собственников, алчных, жестоких слуг денежного мешка

В планах первой редакции главный герой претерпевал определенную трансформацию, поднимаясь и совершенствуясь на путях «любви». В набросках ко второй редакции 12 марта 1868 г. Достоевский сформулировал в записных книжках: «В РОМАНЕ ТРИ ЛЮБВИ: 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин. 2) Любовь из тщеславия — Ганя. 3) Любовь христианская — Князь» [Достоевский, Т.9, 1989: 220]. Миссия Мышкина по отношению к Настасье Филипповне определялась в набросках как стремление «восстановить и воскресить человека!» [Достоевский, Т.9, 1989: 264]. Трагическая же судьба Настасьи Филипповны была предопределена на ранних ступенях замысла. С ее образом в романе связана тема оскорбленной и поруганной «красоты». Став жертвой чувственности опекуна, «букетника» Тоцкого, а затем предметом циничного денежного торга, Настасья Филипповна «из такого ада чистая» вышла.

Пораженный ее «удивительным лицом» князь размышляет над ее портретом: *«Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра!*

Все было бы спасено!»,— а художница Аделаида Епанчина, глядя на тот же портрет, находит, что такая красота «сила», с которой «можно мир перевернуть!» (с. 84)

Мышкин же не знает плотской страсти и подавляет ее у влюбленных в него женщин. Князь Мышкин воспроизводит идею в готовности стать мужем сразу двух женщин. Отпрыском древнейшего рода является Лев Мышкин. Его речи оказывают магическое воздействие на окружающих, перед каждым из них исповедуются, им целуют руки, и перед ними повергаются ниц влюбленные в них женщины. Восторженные чувства испытывает Настасья Филипповна к Мышкину. Взаимоотношения Мышкина и Настасьи Филипповны предстают в эволюции: вначале он «любил ее, о, очень любил...». Позднее же, после мучительного времени, проведенного подле нее, как рассказывает князь Аглае, Настасья Филипповна «угадала», что ему уже «только жаль» ее, но в то же время у него точно сердце «прокололи раз навсегда» (с. 435).

В жизнь Мышкина входит Аглая, о которой, по его признанию, князь вспоминал как «о свете» (с. 432). Среди набросков от середины апреля выделена запись: «РАЗВИТИЕ ПО ВСЕМУ РОМАНУ ЧУВСТВ КНЯЗЯ К АГЛАЕ» [Достоевский, Т.9, 1989: 254]. Аглая отчасти близка к ряду своих реальных и литературных современниц и жаждет деятельного добра. Она глубже других поняла и оценила Мышкина, недаром она не только сравнивает его с «рыцарем бедным», не только считает его «за самого честного и за самого правдивого человека, всех честнее и правдивее», но и произносит проникновенные слова о «двух умах», по особому раскрывающие авторский подтекст названия романа, связанный с традицией изображения «дурака» и юродивого в народных сказках и древнерусской литературе: «... если говорят про вас, что у вас ум... то есть, что вы больны иногда умом, то это несправедливо; я так решила и спорила, потому что хоть вы и в самом деле больны умом (вы, конечно, на это не рассердитесь, я с высшей точки говорю), то зато главный ум у вас лучше, чем у них всех, такой даже,

какой им и не снился, потому, что есть два ума: главный и не главный» (с. 429).

В подготовительных заметках к роману Достоевский отмечал сочетание в Аглае «ребенка» и «бешеной женщины», чистоты и стыдливости с непомерной гордостью. Не случайно в так называемой «сцене соперниц» она «падает», оскорбляя Настасью Филипповну и вызывая в ней ответное чувство гордого негодования. Таким образом, Мышкин любит сразу двух женщин, двух красавиц; здесь красота их и добро героя как раз и должны дать идеал, по Достоевскому. Чтобы быть достойной Мышкина, Настасья Филипповна бежит от него, из-под венца, к Рогожину, под нож, утверждая последним актом своей воли мышкинский принцип любви - жертвы через самоказнь.

Достоевский показывает, как в чистом, ангелоподобном существе раскрывается больная любовь, несущая гибель, а не спасение. В любви Мышкина нет благодатной устремленности к единому, целостному предмету любви, к полному соединению. Такое беспредельное, истребляющее сострадание только и возможно к существу, с которым никогда не будешь соединен. Природа Мышкина тоже дионисическая природа, но это своеобразный, тихий, христианский дионисизм. Мышкин все время пребывает в тихом экстазе, каком-то ангелическом исступлении. И, быть может, все несчастье Мышкина в том, что он слишком был подобен ангелу и недостаточно был человеком, не до конца человеком. Поэтому образ Мышкина стоит в стороне от тех образов Достоевского, в которых он изображает судьбу человека [Бердяев: 1993, 120].

Мрачная любовь-страсть Рогожина к Настасье Филипповне выбила его из обычной жизненной колеи. Его натура не лишена стихийных народных черт - широты, внутренней силы, порывов благородства. Несмотря на необразованность, он наделен глубоким умом, способным постигать суть вещей. Но в нем живет и собственник, вобравший веками выработавшиеся инстинкты его предков-накопителей. Не случись с ним «этой напасти», не

повстречайся ему Настасья Филипповна, «пожалуй», стал бы он в скором времени, как говорит ему Мышкин, *«точь-в-точь»* как отец, *засел бы в угрюмом родительском доме с послушной женой «ни одному человеку не веря <...> и только деньги молча и сумрачно наживая»* (с. 143). Союз между ним и «мечтательницей» Настасьей Филипповной, тянущейся душою к Мышкину, вряд ли возможен, и понимание этого держит его в состоянии постоянного озлобления. Иногда в редкие минуты уважения к нему Настасья Филипповна, как, например, в эпизоде с чтением принесенной ею «Истории» Соловьева, проявляется и в нем жажда почувствовать себя «живым человеком». Желая моментами верить в его «огромное сердце», Мышкин сознает, что не сможет Рогожин стать «братом» и «другом» Настасьи Филипповны, не вынесет своих ревнивых мук, рождающих ненависть вместо любви

Таким образом, князь Мышкин является в романе апофеозом жертвенности, кротости, всепрощения и доброты. Он, как и все герои романа, захвачен страстью, только страстью особого рода: любовью-состраданием к человеку. Эта господствующая в герое страсть-идея становится очагом редкого «духовного равновесия», создает гармонический строй души. Любовь-сострадание главного героя проявляется и в его отношениях с любимыми женщинами. Раздвоение в любви приносит Мышкину большие страдания, но он страдает больше всего не от того, что не удовлетворены его желания, а от того, что он становится причиной несчастья любимых женщин.

1.3.1. Любовь-страсть (Парфён Рогожин)

Рогожин Парфен Семенович — один из главных героев романа «Идиот». Сын богатого купца, потомственного почетного гражданина, наследник огромного состояния. Лет двадцати семи, небольшого роста, курчавый и черноволосый, с серенькими маленькими, огненными глазами. Резкий взгляд. Нос широк и сплюснут, скуластое, мертвенно-бледное лицо, губы тонкие,

постоянно складывающиеся в наглую, насмешливую и злую улыбку. Высокий лоб. Изможденный вид, несмотря на крепкое сложение. Во всем облике нечто страстное. Впервые появляется в романе в поезде вместе с князем Мышкиным [Энциклопедия литературных героев: 1997, 432].

Над Рогожиным тяготеет проклятие денег, он кровно связан с семьей и ее духом. Он из рода людей одной страсти, суть которой — безудержная алчность, но у Рогожина она направлена на женщину. Его любовь — одновременно и глубокое человеческое чувство, и страсть собственника. Он покупает Настасью Филипповну сначала за восемнадцать тысяч, затем за сорок, и, наконец, за сто, хотя в его отношении к ней нет презрения или высокомерия. В нем есть ощущение иного человеческого образа, чем, в частности, объясняется его любовь-ненависть к князю Мышкину. Но сильна над ним и власть той мрачной среды, в которой он вырос и символом которой становится его грязно-зеленый трехэтажный, похожий на тюрьму дом на Гороховой. В его доме висит картина Ганса Гольбейна, на которой изображен снятый с креста Спаситель. От нее, по словам князя Мышкина, можно потерять веру: *— Да это... это копия с Ганса Гольбейна, — сказал князь, успев разглядеть картину, — и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу...*

- А что, Лев Николаевич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет? — вдруг заговорил опять Рогожин, пройдя несколько шагов.

- Как ты странно спрашиваешь и... глядишь! — заметил князь невольно.

- А на эту картину я люблю смотреть! — пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

- На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!

- Пропадает и то, — неожиданно подтвердил вдруг Рогожин. Они дошли уже до самой выходной двери.

- Как! — остановился вдруг князь, - да что ты? Я почти шутил, а ты так серьезно! И к чему ты меня спросил: верую ли я в Бога?

- Да ничего, так. Я и прежде хотел спросить. Многие ведь ноне не веруют. А что, правда (ты за границей-то жил), - мне вон один с пьяных глаз говорил, - что у нас, по России, больше, чем во всех землях, таких, что в Бога не веруют? «Нам, говорит, в этом легче, чем им, потому что мы дальше их пошли...» (с.181-182)

Рогожин подтверждает эти слова. Он не верит, но хочет верить.

Рогожин ревнует Настасью Филипповну к князю Мышкину, видя в нем главного соперника. Он борется с искушением убить князя, братается с ним, меняясь нательным крестом, и подводит под благословение собственной матери, однако не может совладать с собой и преследует князя. Только припадок эпилепсии спасает Мышкина от его ножа. Рогожин чудится Ипполиту Терентьеву в его сне, как если бы это был не человек, а дьявол. Он — заложник рока и сам, подобно князю, предчувствует неизбежность убийства. Он борется с неизбежностью, пытаясь победить себя, но проигрывает в этой борьбе. Финальная сцена в развитии этого образа — князь Мышкин и Рогожин над трупом Настасьи Филипповны — принадлежит к одной из самых сильных в мировой литературе.

1.3.2. Любовь-жертва (Настасья Филипповна)

Настасья Филипповна — одна из главных героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот». В ее образе переплетаются две линии, из которых одна сводится к формуле «гордая красавица», а другая — к формуле «оскорбленное сердце». В семилетнем возрасте героиня осиротела и воспитывалась в деревне богатого помещика Тоцкого, который, когда ей минуло шестнадцать лет, сделал ее своей любовницей. Переехав в Петербург,

робкая и задумчивая девочка превращается в ослепительную красавицу, в «необыкновенное и неожиданное существо», одержимое гордостью, мстительностью и презрительной ненавистью к своему «благодетелю».

Так перед читателями возникает образ гордой и своенравной девушки, которая все, что ни делает, делает лишь «со злости». «Вы горды, Настасья Филипповна», — говорит князь Мышкин, — но, может быть, вы уже до того несчастны, что и действительно виновною себя считаете... Я давеча ваш портрет увидал и точно знакомое лицо узнал» (с.87).

Автор искусно подготовил встречу этих двух «образов чистой красоты». Сначала князь слышит о Настасье Филипповне, потом три раза рассматривает ее портрет. «Так это Настасья Филипповна? — промолвил он, внимательно и любопытно поглядев на портрет. — Удивительно хороша!» На портрете была изображена действительно «необыкновенной красоты женщина». При первом взгляде князь видит только красоту, а при втором замечает ее муку и печаль. «Удивительное лицо», — говорит он, — «лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами, в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое...»

«Гордую красавицу» постоянно пытаются продать. Один мечтает купить ее любовь за сто тысяч, другому предлагают за нее семьдесят пять. Но князь Мышкин бросается ее спасать — он предлагает ей свою руку. Как затравленный зверек, Настасья Филипповна начинает метаться между поклонниками. Она жаждет спасения. Но ей ли, наложнице Тоцкого, мечтать о счастье с князем? Ей ли, «рогожинской», быть княгиней? Она упивается позором и сжигает себя гордостью. Из церкви, в подвенечном платье, убегает от Мышкина и покорно подставляет себя под нож Рогожина. Достоевский создал из своей героини «образ чистой красоты», плененный «князем мира сего» и в глубине души ждущий избавителя. Однако героиня так и не дождалась его. Злой дух разжигает в изгнаннице гордость и сознание виновности, тем самым толкая ее на гибель. Мышкин же пытается спасти ее,

но не знает как. Он думает, что словами вроде «вы не виноваты» разобьет оковы опутавшего ее зла. Но Настасья Филипповна сознает свое падение и жаждет искупления греха, а князь постоянно ей, падшей, говорит о ее же безгрешности. И назло ему красавица уезжает с Рогожиным. *«А теперь я гулять хочу, я ведь уличная»* (с.234).

Судьба Настасьи Филипповны чрезвычайно трагична. Она осквернена, унижена, возбуждает у большинства окружающих нечистые и злые чувства: тщеславие у Гани, сладострастие у Топкого и Епанчина, чувственную страсть у Рогожина. Любовь князя не спасает, а только губит ее. Полюбив его, Настасья Филипповна казнит себя, «уличную», и сознательно идет на смерть. Мышкин знает, что она гибнет из-за . него, но старается убедить себя, что это не так, что, «может, Бог и устроит их вместе». Он жалеет ее, как «несчастную помешанную», но любит другую — Аглаю. Однако, когда соперница оскорбляет Настасью Филипповну, князь не может вынести ее «отчаянного безумного лица» и с мольбой говорит Аглае: *«Разве это возможно! Ведь она... такая несчастная!»* (с. 342).

Теперь Настасья Филипповна не может больше заблуждаться. Жалость князя — не любовь и любовью никогда не была. Вот почему Рогожин в финальной сцене приводит Мышкина к ее смертному ложу. Вдвоем бодрствуют они над телом убитой, они — сообщники: они оба убили ее своею любовью. Всю свою жизнь эта необыкновенной красоты женщина была несчастна и одинока, с малых лет она знала, что такое страдание, горечь и боль. Так, вроде бы и не желая того, окружавшее ее общество загубило на этой земле одну из гордых красавиц с оскорбленным сердцем.

Трагичность образа Настасьи Филипповны подчёркивается и её фамилией – Барашкова, прямо указывающий на закланный характер её красоты. Её любовь к князю так же раздвоена, как и чувства других героев романа: с одной стороны, она ждёт и жаждет спасения, с другой стороны, не в состоянии и не в праве принять его.

1.3.3. Любовь-внимание (Аглая Епанчина)

Аглая - младшая, 20-летняя дочь генерала Ивана Федоровича Епанчина и его супруги Елизаветы Прокофьевны, сестра Александры и Аделаиды.

О генеральских дочерях сказано, что они *«были только Епанчины, но по матери роду княжеского, с приданым не малым, с родителем, претендующим впоследствии, может быть, и на очень высокое место и, что тоже довольно важно, — все три были замечательно хороши собой <...> младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание. Но и это было еще не все: все три отличались образованием, умом и талантами. Известно было, что они замечательно любили друг друга, и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о каких-то будто бы пожертвованиях двух старших в пользу общего домашнего идола — младшей. В обществе они не только не любили выставляться, но даже были слишком скромны. Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают. <...> Одним словом, про них говорилось чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали. Замуж они не торопились; известным кругом общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тем более было замечательно, что все знали направление, характер, цели и желания их родителя. <...> Бесспорной красавицей в семействе, как уже сказано было, была младшая, Аглая. <...> Будущий муж Аглаи должен был быть обладателем всех совершенств и успехов, не говоря уже о богатстве. Сестры даже положили между собой, и как-то без особенных лишних слов, о возможности, если надо, пожертвования с их стороны в пользу Аглаи: приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и из ряду вон...» (с.55).* И еще повествователь с добродушной иронией добавляет: *«Все три девицы Епанчины были барышни*

здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и конечно вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе не желали скрывать. Маменька их, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность их аппетита, но так как иные мнения ее, несмотря на всю наружную почтительность, с которою принимались дочерьми, в сущности давно уже потеряли первоначальный и бесспорный авторитет между ними, и до такой степени, что установившийся согласный конклав трех девиц сплошь да рядом начинал пересиливать, то и генеральша, в видах собственного достоинства, нашла удобнее не спорить и уступить...» (с.55-56)

Самая красивая из сестер Епанчиных, видимо, недаром носит имя одной из граций Аглаи, что в переводе с греческого означает — сияющая. Прототипом этой героини послужила А.В. Корвин-Круковская, и в целом семейство Корвин-Круковских, в котором Достоевский часто бывал в начале 1860-х гг., в какой-то мере отразилось в изображении семейства генерала Епанчина

Князь Мышкин говорит об Аглае, что она *«чрезвычайная красавица <...> почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!..»* (с.57) А ее мать, Елизавета Прокофьевна, характеризуя младшую дочь (а заодно и себя) высказывает в лицо Аглае такое характерное замечание: *«Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца; обе мы и несчастны, обе и страдаем...»* А затем про себя, не вслух, — еще определеннее: *«Совершенно, совершенно как я, мой портрет во всех отношениях <...> самовольный, скверный бесенок! Нигилистка, чудачка, безумная, злая, злая, злая! О, господи, как она будет несчастна!..»* (с.102). Сам Достоевский в подготовительных материалах отмечал–подчеркивал в Аглае сочетание «ребенка» и «бешеной женщины», то есть ту самую раздвоенность, которую так тонко в своё время подметил Николай Бердяев.

За Аглаей пытается ухаживать Ганя Иволгин, в нее явно влюблены Евгений Павлович Радомский, Ипполит Терентьев, и даже Коля Иволгин перед встречей с Аглаей (чтобы передать ей записку князя Мышкина) наряжается в «совершенно новый зеленый шарф» старшего брата. Влюбляется в нее всем сердцем и князь Мышкин, дело даже идет к браку. Настасья Филипповна, ее соперница, сама подталкивает князя к этой женитьбе, предполагая, что она принесет ему счастье. Но роковая встреча двух женщин на квартире у Дарьи Алексеевны, превратившаяся в непримиримый поединок действительно двух соперниц, ломает все планы. Причем юная Аглая чисто по-женски ненавидит в Настасье Филипповне именно соперницу, Настасья же Филипповна, с грузом своего «опыта страданий», ненавидит в Аглае прежде всего «чистенькую». И в этой сцене Аглая «падает», впрямую оскорбляя соперницу.

Дальнейшая судьба Аглаи незавидна: она за границей выскочила замуж за какого-то «польского графа», который оказался вовсе не графом, а каким-то заговорщиком-эмигрантом, *«стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и, сверх того, попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до исступления...»* (с.399). Польша для Достоевского – страна прежде всего католическая, поэтому такая близкая связь Аглаи с поляками является знаком того, что она очень далеко отошла от тех нравственных устоев, которые были ранее важны для неё. Неудивительно поэтому, что Аглая в конечном итоге совершенно рассорилась со своим семейством, отдалилась от матери и сестер.

Таким образом, любовь Аглаи – это любовь незрелая, только формирующаяся в душе героини. Такая любовь требует для своего расцвета прочных духовных основ, которых у Аглаи не было и быть не могло (даже мать называет её «дурой без сердца»). Потому она и не спасает не только своё счастье рядом с любимым человеком, которому необходима прочная

душевная связь с опорой на высшую нравственность, но и любимого, отдавая её в руки соперницы.

1.3.4. Любовь-доверие (князь Мышкин)

«Любовь столь всесильна, что перерождает и нас самих», - писал Ф.М. Достоевский. В его романах о любви сказано очень много. Достоевский считал, что именно любовь, самое сильное из всех человеческих чувств, способно изменить человека и раскрыть его с той стороны, которая ранее была сокрыта. В романе «Идиот» этой теме уделено большое внимание. Как уже отмечалось выше, в этом романе представлены и раскрыты «три любви: 1) страстно-непосредственная любовь – Рогожин; 2) любовь из тщеславия – Ганя; 3) любовь христианская – Князь» [Достоевский: 1972-1990, т.8, 363]. При этом «высшей любовью, лишенной эгоизма и расчетливости» писатель называл любовь «Князя». В случае с князем Мышкиным любовь – это искушение. На своем жизненном пути князь встречает и влюбляется в двух женщин: Настасью Филипповну и Аглаю Епанчину.

Напомним, что князь противопоставлялся и одновременно отождествлялся с Христом. Т.А. Касаткина отмечает: «И все-таки с самого начала образ Мышкина *противопоставлен* образу Христа по одному, но перевешивающему все остальные, признаку. То, с чего, собственно, начинается князь Мышкин свою деятельность в качестве спасителя мира,— это намерение и стремление жениться на Настасье Филипповне» [Касаткина: 1995, 53]. Следовательно, это нарушение заповедей Христа: «Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы Божий» [Достоевский: 1972-1990, т.8, 173]. Князь Мышкин нарушил эту заповедь, полюбив.

Если мы обратимся к взаимоотношениям князя Мышкина и Настасьи Филипповны, то увидим, что они будто предначертаны друг другу. Герои неоднократно испытывают явление «дежа-вю», о чем постоянно упоминает Настасья Филипповна: «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели

прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?» (с. 89). «Право, где-то я видела его лицо! — проговорила она вдруг уже серьезно, внезапно вспомнив опять давешний свой вопрос» (с. 99).

Исследователи отмечают, что самая большая ошибка князя была в характере любви к гордой красавице Настасье Филипповне. Это не была любовь в обычном ее понимании, это была любовь-жалость, любовь-сострадание. Именно заочная встреча князя Мышкина с Настасьей Филипповной через фотографию предопределила характер их отношений: *«Это необыкновенное по своей красоте и еще почему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. <...> Князь смотрел с минуту, потом вдруг спохватился, огляделся кругом, поспешно приблизил портрет к губам и поцеловал его» (с. 69).*

«В этом лице... страдания много... — проговорил князь, как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая» (с. 69), - читаем мы в романе. Это ключевой момент для раскрытия главных образов романа. Э. Вахтель пишет: *«Этот жест уподобляет фотографию Настасьи Филипповны еще одному типу визуального объекта, который целуют православные, а именно иконе» [Вахтель: 2002, Электронный ресурс].* И, следовательно, читатель не может не соотнести образ Настасьи Филипповны с образом Мадонны. Любви Мышкина к Настасье Филипповне абсолютно чужда страсть, и Лев Николаевич честно в этом признается Рогожину: *«Я ведь тебе уже и прежде растолковал, что я ее «не любовью люблю, а жалостью. Я думаю, что я это точно определяю» (с. 173).*

Получается, что весь роман его с Настасьей Филипповной - это проявление любви-жалости. Н.О. Лосский по этому поводу пишет: *«Ее отчаянным страдающим лицом у него «пронзено навсегда сердце».* Предложение, сделанное им Настасье Филипповне, было поступком

защитника страдающих рыцаря Дон-Кихота, и сравнение с Дон-Кихотом, несколько раз произведенное Аглаею, содержит в себе значительную долю правды. Как добрый человек, он часто испытывает сострадание; но при этом он сам заражается чужим страданием» [Лосский: Электронный ресурс]. Его любовь не страстная, его любовь к ней чистая, жертвенная, полная самопожертвования, христианская. Именно такой любовью обусловлено желание Мышкина умереть за предмет любви подобно тому, как Христос готов был отдать жизнь за людей. Мышкин говорит Настасье Филипповне: «Я ничто, а вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много... Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас...» [2, с. 138]. Но любовь князя к Настасье Филипповне исчерпывается не только жалостью и состраданием, но и уважением. «Серьезные разговоры о России, о жизни и *никогда о любви*. Настасья Филипповна наивно и бессознательно рада и видит новый мир и перевоспитание в том, что князь с ней так говорит. Гордится (хорошо)», - делает заметку в материалах к роману писатель [2].

Любовь же Настасьи Филипповны сочетает в себе много качеств. Она не лишена сладострастия. Так же она сочетает в себе эгоизм, которого она стыдится, именно потому она бежит из-под венца от князя Мышкина. Боится погубить его. Ее любовь к нему так же не лишена и сострадания. Не случайно говорит ему, мол, какая женитьба, князь, тебе самому нянька нужна ... Она понимает, что Мышкин беззащитен в этом жестоком обществе, полном корысти и фальши. Есть в ее любви и материнские, платонические чувства. Для нее князь прежде всего не мужчина, а человек. Человек чистый чувствами и помыслами, невинный словно дитя. И потому отношение к нему соответствующее. А.А.Петрова в этой связи считает, что если продолжать евангельскую аналогию, то вероятнее отождествить Настасью Филипповну с Мадонной, а князя с Христом, потому что «она относится к нему как мать к своему ребенку, знающая его незавидную судьбу» [Петрова, Руднева: Электронный ресурс].

Любовь Настасьи Филипповны полна самопожертвования. Именно из-за самопожертвования, как считает А.А.Петрова, она отказывается от князя, бежит из-под венца и предпринимает попытки соединить князя с Аглаей, считая соперницу более достойной. Но отношения с этой гордой женщиной, бравирующей своей порочностью и стремящейся к чистой любви, изматывают князя. Он чувствует, что его любовь к мятущейся красавице иссякает. Горячую клятву исполнить все труднее. И трудность не столько физическая, сколько нравственная [Погорельцев: 1988, 95]. И уже он признается Аглае, что отдал бы за Настасью Филипповну жизнь свою, но он уже любить ее не может, и она это знает; и он не может уже так пожертвовать собой, женившись на этой гордой, но несчастной женщине. Мы видим, любовь его иссякает, и он уже не может и не чувствует сил спасти Настасью Филипповну. И, как следствие, не спасает. Героиня погибает.

Любовь же к Аглае у князя озарена радостью. Девушка для него – «луч света». Аглая была нужна ему для победы в его душе света и гармонии, которые он начал обретать в Швейцарии и которые опять вытеснились темнотой и диссонансами [Погорельцев: 1988, 100]. Они родственные души, детскость Аглаи роднит ее с юродивостью князя. Но чувствам девушки присущ эгоизм и ревность. И потому Аглая, которая пошла навстречу «рыцарю бедному» после долгих насмешек и капризов, не вынесла и минутного колебания между нею и Настасьей Филипповной. Любовь Аглаи искренна и чиста, но не свободна от эгоизма. Это связано, прежде всего, с характером самой Аглаи. В ней бушует эгоизм, потому что она «своеобразный домашний идол» с детства. Даже любовь ее эгоистична, ведь чтобы уязвить соперницу, поставить ее в унижительную позицию проигравшей, Аглая тащит ослабленного после приступа князя за собой на эту мучительную для него встречу. Неужели любящий человек так поступит? Вряд ли. Ее любовь к Мышкину настоящая, не лишенная искренности, но эгоизм и гордыня его развращают до невозможности. Но несмотря на это князь доверяет Аглае и раскрывает перед ней свою душу. Борьба с Настасьей

Филипповной заставляет ее страдать. И князь тоже страдает. Он страдает от того, что он невольно является причиной несчастья для любимых женщин.

Чувства Настасьи Филипповны и Аглаи Епанчиной чем-то схожи. Они обе любят князя сильной любовью, но любовью эгоистичной. Но если Настасья Филипповна смиряет свой эгоизм, то Аглая, наоборот, его демонстрирует. Обе женщины ревнуют, и, следовательно, ведут борьбу за предмет своей любви. Настасья Филипповна старается до последнего вести себя «по-мышкински», но все равно срывается в поединке с Аглаей [Погорельцев: 1988, 99].

Мучительные отношения, бесконечные метания между двумя красавицами изматывают князя. Силы его иссякают. А смерть Настасьи Филипповны становится для него последним и страшным ударом, вернувшим его из реального мира в свой замкнутый мир.... Быть может, финал этого сложного любовного многоугольника, замыкающегося на образе главного героя, выражает мысль автора, записанную в черновике к роману – «...не Христос!», а человек. И какими бы светлыми не были его помыслы и желание изменить судьбы людей, это не в его власти. Следовательно, и такая любовь не в силах спасти мир, она может только ненадолго осветить его слабым отблеском подобия божественного света.

Таким образом, система персонажей романа «Идиот» едина в любовной теме. Однако эта тема проводится по голосам героев по-разному. Проявляя разные виды любви, писатель обнажает её раздвоенный, трагический характер: с одной стороны, желание самопожертвования, с другой – эгоизм, принимающий крайние формы эгоцентризма. В этой раздвоенности гибнет красота человеческой души, заключенная в прекрасном лице Настасьи Филипповны, детском внимании к миру Аглаи Епанчиной, кротости и доверии к миру князя Мышкина.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЮБОВНОГО ЧУВСТВА В КОНЦЕПЦИИ РОМАНА Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

2.1. Особенности философских взглядов Л.Н.Толстого в конце 70-х гг. XIX в.

Интересно, что при всей противоречивости взглядов великого русского мыслителя Л.Н. Толстого на любовь и семью, его понимание данной проблемы тоже представляет собой отражение христианских постулатов: любви к Богу, любви к ближнему и половой любви, которая должна перерасти в семью.

Первый постулат, предусматривающий любовь к Богу, наиболее полно раскрывается в работе Л.Н. Толстого «Исповедь», в которой показаны поиски Бога как смысла жизни в период духовного кризиса писателя.

Ко второму постулату - любовь к ближнему - Л.Н. Толстой обращается ещё в своём раннем художественном произведении «Семейное счастье», где изображена жертвенная любовь Марьи Александровны к крестьянам: собрав свои сбережения, она тайно, чтобы никто не узнал её, отдаёт их бедным. Осмысливается любовь к ближнему и в романе-эпопее «Война и мир». Достаточно вспомнить, как Наташа Ростова требует отдать подводы под раненых, а Пьер Безухов спасает девочку. И, наконец-таки, о любви к ближнему свидетельствуют многочисленные ходатайства о заключённых князя Дмитрия Нехлюдова, героя романа «Воскресенье».

Обращается к этому постулату Л.Н. Толстой и в своих публицистических работах. Так, в статье «О голоде», написанной им после поездок по деревням центральной полосы России, отмечается, что спасти людей от голода и от других бед может только жертвенная любовь, о которой в Библии говорил ещё Иоанн Креститель. Именно она-то и предполагает, по мнению Толстого, отдать часть своего имущества бедным.

Осмысливается христианский постулат о любви к ближнему и в политикоэкономическом трактате «Так что же нам делать?», созданном Л.Н. Толстым после участия в переписи населения. Изображая ужасные картины городской нищеты, которые наблюдал писатель при посещении ночлежных домов, он рассуждает о том, существует ли действенный способ изменения бедственного положения горожан. При этом раздачу денег и имущества мыслитель считает недостаточным. Он предлагает представителям господствующего класса самим начать трудиться, добывая себе средства к существованию.

Третий постулат - о половой любви, которая должна перерасти в семью, - находит своё отражение как в «Семейном счастье», так и в более поздних работах - романе-эпопее «Война и мир» и в романе «Анна Каренина».

Раскрывая проблему «Любовь и семья», писатель в своём художественном произведении «Семейное счастье» показывает, как любовь главных героев - Марьи Александровны и Сергея «Михайлыча» - вначале перерастает в семью, нравственная основа которой затем разрушается под воздействием общества, то есть, по словам протоиерея Александра Меня, всё превращается в «мыльный пузырь» [Мень: 2008, 111].

Выступая за семью, возникшую из любви, сохранившую в качестве нравственной основы любовь (такова семья Ростовых в романе «Война и мир», семья, которую создает духовно близкий писателю герой - Константин Левин - в романе «Анна Каренина»), Л.Н. Толстой, будучи реалистом, отражает в своих произведениях и пагубное воздействие общества на институт семьи, приводящее к его разложению. Распадаются семьи Облонских, Карениных («Анна Каренина»), в которых исчезла или никогда и не присутствовала любовь как основа человеческих отношений. Не может существовать и вновь возникшая семья Алексея Вронского и Анны Карениной. И глубинной причиной этого тоже является общество: Вронский никогда не знал настоящей семьи, его мать была светской женщиной, а за

отсутствием идеала, не смог создать и свой семейный мир. Зато высшее общество, без которого спокойно живет Анна, превращается в важную, неотъемлемую часть его жизни. Лишившись общества, Вронский частично перестает существовать, разрушаются и его отношения с любимой женщиной.

Показав распад семьи под воздействием общества, выступая против безлюбовной семьи, Л.Н. Толстой пытается представить в своих художественных произведениях «Война и мир», «Анна Каренина» идеал прочной семьи.

Его стремление к идеалу прочной семьи прослеживается и в работе исповедального характера «В чём моя вера?». Рассматривая заповедь Христа, направленную против разводов: «А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать» (Евангелие от Матфея: 5, 32) [Толстой Л.: 1990, 185] - он идёт даже дальше православных богословов, говоря о запрете разводов вообще. И хотя христианское мировоззрение, привлекавшее Л.Н. Толстого не протяжении многих лет, и подверглось переосмыслению в его творчестве, оно-то и лежит в основе стремления писателя к идеалу прочной семьи.

Именно «духовный» путь, несмотря на «увлеченность завоеваниями естествознания», - как отмечает в своей статье исследователь творчества Л.Н. Толстого Н. М. Шишхова, - и становится для писателя основным [Шишхова: 2008, 29].

2.2. *Оппозиция «семья – любовь» в художественном мире романа «Анна Каренина» и её отражение в системе образов»*

2.2.1. *Любовь – страсть (Анна Каренина)*

Художественная литература, создавая живое и богатое изображение, предлагает множество мудрых раздумий, глубоких рассуждений, которые – собранные вместе – могли бы составить целые тома. Так, роман «Анна Каренина», автор которого является великий Л.Н. Толстой, создавался в период 1873-1877 годов. Анна появляется в романе «ищущей и дающей счастье». Но на ее пути к счастью встают активные силы зла, под влиянием которых, в конечном счете, она и гибнет. Судьба Анны поэтому полна глубокого драматизма. Напряженным драматизмом проникнут и весь роман. Анна Каренина – замужняя женщина, мать восьмилетнего сына; она понимает, что Вронский не может и не должен интересоваться ею. Однако на московском балу мы видим, что «Анна пьяна вином возбуждаемого ею восхищения...» [Толстой Л.: 1978-1985, 8, 56]² Анна принимает решение покинуть Москву и вернуться домой, в Петербург, чтобы не встречаться с Вронским. Свое решение она выполнила, и на другой день брат провожал ее в Петербург. Но на остановке, выйдя из вагона, Анна встретила Вронского... Вронский страстно полюбил Анну, это чувство заполнило всю его жизнь. Аристократ и джентльмен, «один из самых лучших образцов золотой молодежи петербургской» (8, 356), он защищает Анну перед светом, принимает на себя самые серьезные обязательства по отношению к любимой женщине. Решительно и прямо «объявляет он брату, что смотрит на свою связь с Карениной, как на брак...» (8, 401).

Во имя любви он жертвует военной карьерой: выходит в отставку и вопреки светским понятиям и нравам уезжает с Анной за границу. Чем

² Далее цитирую по этому изданию с указанием номера тома и страницы в скобках. – Т.Ш.

больше Анна узнавала Вронского, «тем больше она любила его»; и за границей она была непростительно счастлива. Но «Вронский, между тем, несмотря на полное осуществление того, что он желал так долго, не был вполне счастлив. Он скоро почувствовал, что в душе его появилась тоска» (9, 112). Попытки заняться политикой, книгами, живописью не дали результатов, и, в конце концов, уединенная жизнь в итальянском городе показалась ему скучной; было решено ехать в Россию.

Открытую связь Анны и Вронского светское общество прощало Вронскому, но не Анне. Все дома прежних знакомых были для нее закрыты. Вронский же, найдя в себе силы пренебречь предрассудками своей среды, не порывает окончательно с этой средой даже тогда, когда светское общество стало травить любимую им женщину. Военно-дворцовая среда, в которой он долгое время вращался, повлияла на него не менее чем служебно-бюрократические сферы на Каренина. И как Каренин не мог и не хотел понять, что делалось в душе Анны, так и Вронский был очень далек от этого.

Любя Анну, он всегда забывал то, «что составляло самую мучительную сторону его отношения к ней, - ее сына с его вопрошающим, противным, как ему казалось, взглядом. Мальчик этот чаще всех других был помехой их отношений» (8, 211). В сцене свидания Анны с сыном Сережей Толстой с непревзойденным мастерством художника-психолога раскрыл всю глубину семейного конфликта. Чувства матери и любящей женщины, испытываемые Анной, Толстой показывает как равноценные. Ее любовь и материнское чувство - два великих чувства - остаются для нее несоединенными. С Вронским у нее связано представление о себе как о любящей женщине, с Карениным - как о безупречной матери их сына, как о некогда верной жене. Анна хочет одновременно быть и той и другой.

В полубессознательном состоянии она говорит, обращаясь к мужу:

«Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь - она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся» (9, 321). «Вся», т. е. и та,

которая была прежде, до встречи с Вронским, и та, которой она стала потом. Но Анне еще не суждено было умереть. Она не успела еще испытать всех страданий, выпавших на ее долю, не успела она также испробовать и всех дорог к счастью, к которому так рвалась ее жизнелюбивая натура. Вновь сделаться верной женой Каренина она не могла. Даже на пороге смерти она понимала, что это было невозможно. Положение «лжи и обмана» она также не способна была более переносить.

Следя за судьбой Анны, мы с горечью замечаем, как рушатся одна за другой ее мечты. Рухнула ее мечта уехать с Вронским за границу и там забыть про все: не нашла своего счастья Анна и там. Действительность, от которой она хотела уйти, настигла ее и там. Вронский скучал от безделья и тяготился, а это не могло не тяготить Анну. Но самое главное: на родине остался сын, в разлуке с которым она никак не могла быть счастливой. В России ее ожидали мучения еще более тяжкие, чем те, которые она переживала раньше. То время, когда она могла мечтать о будущем и тем самым в какой-то степени примирить себя с настоящим, прошло. Действительность теперь представала перед ней во всем своем страшном облике.

По мере развития конфликта открывается смысл всего происшедшего. Так, Анна, узнавая петербургскую аристократию, вскоре поняла, что все они лицемерят, притворяются, что добродетельны, а на самом деле злы и расчетливы. Анна порвала с этим кругом после своего знакомства с Вронским. Лицемерно было все общество, с которым сталкивалась Анна. С каждым поворотом своей трудной судьбы она все более убеждалась в этом. Она искала честного, бескомпромиссного счастья. Вокруг же себя видела ложь, лицемерие, ханжество, явный и скрытый разврат. И не Анна судит этих людей, а эти люди судят Анну. Вот в чем ужас ее положения.

Потеряв для себя сына, Анна осталась только с Вронским. Следовательно, привязанность ее к жизни наполовину уменьшилась, так как сын и Вронский были для нее одинаково дороги. Здесь разгадка того, почему

она теперь стала так дорожить любовью Вронского. Для нее это была сама жизнь. Но Вронский с эгоистической природой не мог понять Анну. Анна была с ним, и потому мало интересовала его. Между Анной и Вронским теперь все чаще и чаще возникали недоразумения. Причем формально Вронский, как ранее и Каренин, был прав, а Анна не права. Однако суть дела заключалась в том, что поступками Каренина, а затем и Вронского руководило «благоразумие», как понимали его люди их круга; поступками же Анны руководило ее большое человеческое чувство, которое никак не могло согласоваться с «благоразумием». В свое время Каренин был напуган тем, что в «свете» уже заметили отношения его жены с Вронским и что это грозит скандалом. Так «неблагоразумно» вела себя Анна! Теперь общественного скандала боится Вронский и причину этого скандала видит все в том же «неблагоразумии» Анны.

В поместье Вронского разыгрывается, в сущности, заключительный акт трагической судьбы Анны Карениной.

Анна, человек сильный и жизнелюбивый, казалась многим и даже хотела самой себе казаться вполне счастливой. В действительности она была глубоко несчастна.

Есть высший суд совести и нравственности. Счастье без семьи и совместного пути к добру невозможно. Отчаяние нарастает. Анна в самое роковое мгновение их жизни остается одна и идет навстречу гибели, ею овладевает «дух зла и обмана». И все же любовь зажигала в ее душе «чувство оживления» (то есть женщина как бы медленно оживала в увлекательном «романе» после безжизненного брака с человеком-машиной и многолетней лжи в семье) и составляла «весь интерес ее жизни». Вронский при их встрече в салоне Бетси Тверской поражен «новой, духовной красотой» Анны, она сияла «улыбкой счастья». И Толстому очень трудно осудить эту любовь, гениальное изображение которой сделало его роман знаменитым. Но все же он сравнивает страсть Анны со «страшным блеском пожара среди темной ночи». Чехов удивлялся художественной смелости Толстого: «Вы только

подумайте, ведь это он, он написал, что Анна сама чувствовала, видела, как у нее блещут глаза в темноте!.. Серьезно, я его боюсь». Этот любовный пожар страстей разрушает и испепеляет все и ведет героиню романа к неизбежной нравственной и физической гибели.

За несколько минут до смерти Анна думает: *«Все неправда, все ложь, все обман, все зло!..»* (9, 453). Поэтому ей и хочется «потушить свечу», т. е. умереть. *«Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это?»* (9, 453)

Исторически тема любви оказалась связанной с философией и другими науками. Ведь только в любви и через любовь человек постигает самого себя, свои потенциальные возможности и мир своего обитания. О том, что называется любовью, вечно размышляли, спорили, спрашивали друг друга и отвечали, снова спрашивали и никогда не находили точного ответа. Уж очень хотелось понять почему человеку невыносимо жить без любви и почему так трудно любить. Разные философские учения, различные религии стремятся понять и использовать в своих интересах эту уникальную способность человека любить. Однако и сегодня она – плохо осмысленная философией область человеческого бытия. Тема любви всегда была очень близка русской философской мысли. Много глубоких и удивительных страниц написали о любви Владимир Соловьев, Лев Толстой, В. Розанов, И. Ильин, Э. Фромм и многие другие.

2.2.2. *Любовь – «капкан» (Алексей Вронский)*

Вронский в начале романа самоуверен (*«Он смотрел на людей, как на вещи»*) (8, 211) и в глубине души честолюбив, не ощущает необходимости в семейной жизни, не любит и не уважает свою мать, занят только делами полка, обществом веселых повес-приятелей и доступных женщин, военной карьерой, породистыми лошадьми; по вольным до безнравственности

правилам его холостого великосветского кружка и гвардейской среды вполне можно увлечь девушку из хорошей семьи и не жениться на ней.

Его веселый офицерский цинизм делает наивную Кити несчастной, она следует неумным советам тщеславной матери и обманчивому голосу девичьего самолюбия, который говорит, что Вронский один из лучших женихов в России, и совершает ошибку, которую жизнь потом долго и трудно исправляет. Замечательна сцена бала, начинающегося счастьем и торжеством «розовой» (имеется в виду цвет ее тюлевого платья) Кити и завершающегося полным «бесовским» торжеством Анны, надевшей великолепное черное платье: *«Было что-то ужасное и жестокое в ее прелести»* (8, 234). Но не только внезапная измена Вронского поражает Кити, она «раздавлена» отчаянием и раскаянием, одной мыслью: *«Она вчера отказала человеку, которого она, может быть, любила, и отказала потому, что верила в другого»* (8, 367). Ее увозят лечиться от несуществующей болезни на ненужные ей европейские воды. Сестра Долли помогает ей справиться с душевными муками, «нравственно засучив рукава».

Но здесь же, в душевной нечуткости, гордыне и ограниченности аристократа Вронского, кроется и будущая трагедия «незаконной» любви Анны Карениной, молодой красивой женщины, полной жизни, жажды любви и семейного счастья, которыми она была обделена в неравном браке с немолодым, душевно сухощавым государственным «человеком в футляре». Ее новый избранник, тоже Алексей, оказывается таким же формалистом; графу для беззаботной жизни достаточно соблюдать неписанные простые правила полковой жизни и весьма лицемерные и необременительные законы высшего общества, он не может понять сложные метания и трагедию Анны, ее постоянные упреки и слезы его только раздражают, кажутся обычным женским приемом, посягательством на его мужскую независимость.

Вронский стреляется не из-за любви, а из гордости, от чувства уязвленного самолюбия, когда ее презираемый им муж, трусливый штатский, вдруг становится выше и лучше его. О каких-то нравственных исканиях,

семье, романтической любви, о движении вместе к просветляющей правде здесь нет и речи, Толстой подчеркивает во Вронском плотское, физическое начало, показывая его энергично моющим свою красную здоровую шею. Важна фраза о любви Вронского к Анне и к своим лошадям: *«Две страсти эти не мешали одна другой»* (8, 124).

Иногда кажется, что Вронский более тяжело пережил падение на скачках и смерть любимой кобылы Фру-Фру, нежели самоубийство Анны, в котором он также был повинен. Он всегда забывал то, что хотел забыть, - маленького Сережу, страдающего от двусмысленности и разлуки с матерью сына Анны.

Вронский благородно губит ради Анны свою придворную и военную карьеру и уходит из любимого полка, но не может ее понять, нравственно поддержать в ее страданиях, непрерывных сомнениях, тоске по оставшемуся с отцом сыну Сереже. Этому красивому и богатому, но не очень умному гвардейскому офицеру доступна лишь чувственная сторона любви и закрыт ее высокий нравственный смысл. Есть богатство, какая-то театральная демонстрация счастья, полное материальное довольство, дворцы и богатые имения Вронского, показное строительство роскошных и ненужных больницы и школы, но нет семьи, дома, согласия, взаимного уважения и доверия, ибо не соблюден нравственный закон и не понят объединяющий людей смысл добра, духовный смысл любви. «Счастливая» Анна перед сном постоянно принимает морфий, ее настойчивая, почти истерическая любовь и беспричинная ревность тяготят Вронского, привыкшего к полной свободе богатого и знатного холостяка.

2.2.3. Любовь-флирт (Стива Облонский, Бетси Тверская)

Чувственной, несемейной, бездуховной остается эта любовь и для Анны, и не случайно же она – сестра не очень нравственного, ищущего развлечений за пределами семьи Стивы Облонского и обижается ее

сравнением с братом. В.В. Набоков заметил: «Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен». Вот почему Толстой считает эту любовь «незаконной» и осуждает ее, но эти важные причины авторского осуждения иные, чем у лицемерного светского общества.

Облонский – один из центральных персонажей романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина». Прототипом этого образа стал потомок родовитого дворянского семейства, чиновник и помещик Василий Степанович Перфильев, старинный друг Толстого. Писатель был причастен к его судьбе, имел ясное представление о его личности, душевном складе, о его «добродетелях и прегрешениях» и «легких увлечениях». Использовал Толстой и письма жены Перфильева, Прасковьи Федоровны, и рукопись ее повести «Странный случай» о «катастрофе», случившейся в ее семье, - измене мужа с «милым, падшим созданием». Подобно Перфильеву, Облонский не чувствует за собой никакой вины, не находя повода *«раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый влюбчивый человек, не был влюблен в жену»* (8, 27). Его правило: *«Блюди святыню дома. А рук себе не завязывай»* (8,27).

Степан Аркадьич служил в одном присутствии и был «совершенно равнодушен к тому делу, которым занимался»; *«ни наука, ни искусство, ни политика не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство»* (8, 27). Образ Облонского в романе не имеет определенного знака: и положительные начала, и отрицательные являются органическим свойством его натуры. Он безукоризненно честен, он никого, кроме жены, никогда не обманывает, ни перед кем не фальшивит. *«Он совершенно равно и одинаково относился ко всем людям, какого бы состояния и звания они ни были»* (8, 28). При этом Стива благодушен и доброжелателен, преисполнен жизнелюбия, радостного восприятия бытия. *«В его красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица, было что-то, физически действовавшее дружелюбно и весело»,* - замечает Толстой (8, 27). Он

эпикурец, гурман, устремленный к наслаждениям и «легким развлечениям». Толстой подчеркивает, что у Облонского всегда «сияющие глаза» - даже на проводах Вронского спустя два месяца после похорон горько оплакиваемой им сестры Анны.

Сходство Облонского со своим прототипом оказалось настолько разительным, что сразу было замечено читателями, знавшими оригинал. «Когда вышел роман «Анна Каренина», - вспоминала Т.А.Кузминская, - в Москве распространился слух, что Степан Аркадьич Облонский очень напоминает типом своим В.С.Перфильева. Этот слух дошел до самого Василия Степановича. Лев Николаевич не опровергал этого слуха. Прочитав в начале романа описание Облонского за утренним кофе, Василий Степанович говорил: «Ну, Левочка, цельного калача с маслом за кофеем не съедал. Это ты на меня наклепал!» [Гусев: 1963, 286]

«Образ Облонского - открытие Толстым нового типа личности, живущей легко, бездумно, беспечно, бесцельно. Он не эпизодический персонаж: в том «сцеплении», на котором построено все повествование, он необходимое звено, фигура, которой отведена серьезная роль в реализации «мысли семейной» [Литературные герои: 2009. Электронный ресурс]

И всё же, при внешнем различии характеров и судеб, Стива Облонский – родной брат Анны, а это значит, что они несут в себе некое единое начало. Это начало заключается во врожденной бездуховности, «невыносимой лёгкости бытия», к которой стремятся они оба. Приоритет плотского просматривается и в облике Стивы, и в портрете Вронского. Именно это и сближает, на наш взгляд, Анну с этими героями и отдаляет её от Каренина, который олицетворяет собой противоположную сторону семейной жизни.

2.2.4. Любовь – долг (Константин Левин, Долли Облонская, Алексей Каренин)

С самого начала в «Анне Карениной» мы видим два пути, две любовные истории с очень разными итогами. В романе противопоставлены два мужчины, два соперника, ищущие любви милой и неопытной княжны Кити Щербацкой: застенчивый и неуклюжий помещик-провинциал Константин Левин (его главная идея: «*Мне, главное, надо чувствовать, что я не виноват*» (8, 345)) и уверенный в себе петербургский аристократ, гвардеец и богач граф Алексей Вронский. Потом образуются две пары главных персонажей - Анна и Вронский, Левин и Кити, и вокруг них, их очень разных любви и судеб строится нравственный роман Толстого о любви.

Левин, рано потерявший родителей, хочет семейного счастья, душевного покоя, любви, детей, но считает себя недостойным девушки и слишком ее идеализирует. Он неловок, иногда бестактен, вечно колеблется и вдруг в сомнениях уезжает на два месяца в свою деревню. Отсюда его несвоевременное (в его отсутствие появился и многого добился в своих ухаживаниях его решительный, опытный в любовных делах соперник Вронский) и потому неудачное предложение, заставившее, тем не менее, Кити задуматься и понять свое подлинное отношение к этому робеющему перед ней зрелому мужчине. Она ощущает счастье и восторг, вдруг по-женски жалеет его до слез, даже в своем девичьем затмении видит, как сильно в честном и прямодушном Левине нравственное чувство, уважение к другому человеку, к женщине, желание вместе добиваться смысла добра, а на этом и строится настоящая семья.

Щербацкие – дружная, хотя и немного безалаберная московская семья и этим напоминают Ростовых из «Войны и мира». А в непосредственной жизнерадостной Кити много от Наташи Ростовской, она как бы повторяет ее знаменитую одновременную любовь к блестящему умнику князю Андрею Болконскому и глуповатому красавцу Анатолию Курагину (из их разных черт

сложился образ Вронского) и чувство к неловкому правдоискателю графу Пьеру Безухову (его наследник в романе – Левин).

Важна чисто толстовская деталь: восторженный Левин обожает именно эту большую семью, ее добрую, душевную атмосферу, влюблен во всех очаровательных сестер, в это милое женское царство. И желание найти счастье и любовь в семье объединяет Левина и Кити, они чувствуют здесь свое духовное родство и после мучительного для обоих разрыва и болезни Кити медленно идут навстречу друг другу. Толстой показывает здесь, как трудна работа любви и шатко, полно неожиданных препятствий и меняющихся все случайностей движение человека к семейному счастью.

Левин борется за свое счастье и после всех сомнений и разочарований обретает его в браке с усвоившей суровые уроки жизни Кити: *«Я бился с собой и вижу, что без этого нет жизни. И надо решить...»* (8, 237) И потом это повторяется и в знаменитой сцене родов Кити, и в его борьбе с ветром, когда жена и маленький сын оказались в лесу в грозу и бурю. В судьбе Левина и Кити ясно чувствуется надежда Толстого на возможность идеальной жизни, лишённой выхолощенной лжи светского общества. Эта семья для них обоих – долг, который они ощущают перед своей жизнью и жизнью собственных детей.

Однако понятие о долге, показанное в рамках светских законов, делает несчастными тех людей, которых пытаются им подчиниться. Таковы, например, Долли Облонская и Алексей Каренин. Они искренне пытаются соответствовать тем нормам и правилам, которые выработаны цивилизацией до них, и сталкиваются с невозможностью сохранить искренность в отношениях между супругами. Долли опустошена бесконечными изменами мужа, Каренин – невозможностью выразить чувство в условиях его деятельности. Все эти герои держатся за своих детей, как за единственную опору, оправдывающую их драматическое существование в обществе. Но вопрос о воспитании детей в таком контексте не может быть решён, следовательно, и эти опоры оказываются иллюзорными.

Роман «Анна Каренина» стал той гранью, за которой начался давно готовившийся и близившийся духовный перелом в мировоззрении, а, значит, и в жизни и творчестве Льва Толстого. Ведь весь роман, особенно его финал, наполнен тревожными мыслями о вере и неверии и сомнениями в религии и личном бессмертии не только Левина, но и автора. Он сам называл это «душевым переворотом», Ленин, по привычке, кризисом (как будто речь шла об экономике), но в любом случае ясно, что дворянская культура и даже Пушкин так и не стали для автора «Анны Карениной» основой жизни, мысли и творчества, тяготили его.

2.3. Сопоставительный анализ концепции любви у Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого

«Два исполина», «глыбы», «гиганты», «**два** гения золотого века русской культуры», «величайшие писатели за всю историю культуры» - так называли современники двух великих русских писателей – Федора Достоевского и Льва Толстого. И эти высокие звания за ними сохраняются до сих пор: конкуренции им так никто и не составил. Более того, многие нынешние известные писатели признаются, что эти исполины были их учителями с большой буквы: они отталкивались от их произведений, чтобы создать свой собственный художественный космос.

Конечно, как у всех ярких личностей, у Толстого и Достоевского были и враги, и завистники, называющие первого «баринном, юродствующим во Христе» (В.И.Ленин), а второго – «одержимым чёрной немощью и святым духом одновременно» (П.В.Анненков). Но никто не прославил так русскую литературу, как эти гении. Их имена и по сегодняшний день произносятся во всем мире с восхищением.

И тем страннее выглядит поразительный факт из их жизни: они ни разу не встретились, хотя родились в двадцатых годах XIX века с разницей лишь в семь лет. И жили не так далеко: Толстой – под Тулой, Достоевский –

в Питере. У них были общие знакомые. Например, общий литературный оппонент Иван Тургенев, руководитель журнала «Современник» Николай Некрасов, философ Николай Страхов. И почему-то ни одному из них не пришло в голову взять да и привезти одного к другому.

Однажды 10 марта 1878 года Толстой и Достоевский даже посетили одно собрание – лекцию магистра Петербургского университета Владимира Соловьева. Они находились в одном зале, возможно, даже сидели почти рядом, но даже случайно глазами не встретились, в дверях не столкнулись. Достоевский был со Страховым. Почему тот даже не подумал, наконец, познакомить двух «гигантов», это загадка.

При этом общеизвестно, что они восхищались творчеством друг друга, публично заявляя этот факт. Достоевский был в восторге от романов «Война и мир» и «Анна Каренина», называл автора «богом искусства» и «необыкновенной высоты художником», а его творчество «гениальным». В статье об «Анне Карениной», которую он поместил в своем «Дневнике писателя» Достоевский писал: «Такие люди, как автор Анны Карениной, – суть учителя общества, а мы лишь ученики их» («Дневник писателя», 1877, июль-август).

Толстой, в свою очередь, по его собственному признанию, «умилялся», читая «Униженных и оскорбленных». А в одном из своих писем писал своему другу: «...читал «Записки из мертвого дома». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина... Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю» (Н.Н.Страхову. Ясная Поляна, 1880 год) [Письма, статьи, дневники Л.Н.Толстого. Электронный ресурс]. Последней книгой, которую читал Толстой перед своей смертью, был роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». Вот как была велика сила притяжения между гениями, однако их пути все время расходились. Кроме того, не смотря на то, что оба переписывались со всеми

видными писателями, друг другу они не отправили ни одного письма. Снова загадка, над которой литературоведы и биографы до сих пор ломают голову.

Конечно, в первую очередь исследователи списывают «невстречу» на случайное стечение обстоятельств. Так, например, в 1855 году Толстой приезжал в Петербург к Тургеневу и Некрасову. Но Достоевского в городе не было, он был в ссылке. Когда же он вернулся из заключения, Толстой уже в Питере не появлялся, проводил почти все время только в Ясной Поляне или в Москве. Но Достоевский же мог доехать до Москвы?

По другой версии, писатели, восхищаясь творчеством друг друга, все-таки относились друг к другу с прохладцей. И, возможно, стремясь к встрече, подсознательно противились этому желанию. Опасались разочаровать и разочароваться?

Так, по воспоминаниям современников, Достоевский не скрывал, что Толстой – больше художник, чем мыслитель. А Толстой критически относился к манере и стилю письма коллеги. И вообще, как писал позже Максим Горький в своей книге о Толстом, «о Достоевском он говорил неохотно, натужно, что-то обходя, что-то преодолевая» [Горький: 2007, 64].

Тем не менее, Л.Н. Толстой переживал, что Достоевский, которого он считал равным себе, так до него и не доехал. После его смерти Толстой писал: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском <...>. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератором, и литераторы все тщеславны, завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним – никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что, чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум – тоже, но дело сердца – только радость. Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю: умер. Опора какая-то

отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу» [Соловьев: Электронный ресурс].

Несмотря на то, что свидание «титанов мысли» так и не произошло в реальности, их пытались свести вместе виртуально критики и литераторы, анализируя их творчество в своих статьях, монографиях, книгах. Так, известный писатель и литературный критик Дмитрий Мережковский в своей монографии «Л. Толстой и Достоевский» исследует и сопоставляет основы творчества и мировоззрения обоих писателей. Философ и литературный критик Константин Леонтьев в изданной в 1882 году брошюре «Наши новые христиане» рассуждал об общественно-религиозной состоятельности их учений. Свое мнение о писателях выразил в свое время и уже неоднократно процитированный нами философ Николай Бердяев: «Как глубоко различие между Достоевским и Толстым!.. Толстого не мучит вопрос о человеке, его мучит лишь вопрос о Боге. Для Достоевского же вопрос о Боге связан с вопросом о человеке. Толстой более теолог, чем Достоевский» [Бердяев: 1993, 87]. Философ и культуролог Григорий Померанц в своей книге «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» констатировал: «Наиболее полно русская жизнь, со всей ее красотой и безобразием, со всем ее размахом, отразилась в романах Толстого и Достоевского. Развитие их было очень сложным; понять его, вложить в схему – особенно трудно» [Померанц: 1990, 213].

Два великих писателя-реалиста второй половины XIX века, два полюса русской философской мысли обращаются практически одновременно к теме любви и семьи. Это естественно, поскольку именно семья является тем индикатором жизни, который характеризует состояние общества в данный момент.

В целом, философские искания Л.Толстого и Ф.Достоевского различны: для Достоевского понимание мира шло через другого, через не-я, в котором, по его мысли, и заключалась великая тайна человека и о человеке. В этом поиске через «горнило сомнений» писатель приходит к «осанне»,

которую он пропевает Христу как духовному, нравственному и эстетическому спасителю человечества. Именно Христос является тем центром, который концентрирует в себе любовь во всех её проявлениях. Однако идеал Достоевского не утверждается прямо, «по пунктам», а подразумевается, исходя из логики художественного повествования. Так, главный герой романа «Идиот», Лев Николаевич Мышкин, воплощает в себе все человеческие качества Христа, но лишённого божественной сути. Его человечность, бесконечная любовь к людям, красота его внутреннего образа погружается в мир, лишённый этой красоты, наполненный страстями и вожделением. Этот мир нуждается в спасении красотой, поэтому жадно набрасывается на тот свет, который несёт в себе герой, и уничтожает его. Становится очевидным, что красота не просто не может спасти этот мир, но и сама нуждается в спасении. Все формы любви, рассмотренные нами в первой главе, исключая любовь Мышкина, - это формы проявленного эгоизма, любовь-захват объекта своего вожделения, собственническое желание обладать существом, попавшим в зону интересов захватчика.

Для Достоевского истинная любовь тождественна красоте, а значит, Богу. Поэтому всё, что не соответствует данной триаде, - безобразно и безблагодатно. Отсюда следует и неизбежность гибели главных героев, так и не нашедших точку опоры в собственной Божественной сути. Таким образом, любовь в романе «Идиот» - это недостижимый идеал, отсутствие которого обрекает мир на гибель.

Лев Толстой тоже всю жизнь «мучился Богом», подобно героям Достоевского. Но Христос как Бог и Спаситель так и не родился в его сердце. Один западный богослов сказал замечательные слова по этому поводу: «Христос мог родиться сколь угодно много раз в любой точке нашей планеты. Но если Он однажды не родится в твоём сердце – то ты погиб». Вот эта гордыня человеческая – стать богом помимо Бога – есть подмена обожения человекобожием. «Начало гордости – удаление человека от Господа и отступление сердца его от Творца его; ибо начало греха – гордость

» (Сир. 10:14). В сущности, гордость есть стремление, сознательное или бессознательное, стать богом помимо Бога, проявив себялюбие.

При тонком психологизме, присущем обоим писателям, беспощадной правде о человеке, которую они несут своим творчеством, их художественные принципы различны. Для Л.Н.Толстого, каким бы видом деятельности он не занимался, всегда было важным самопознание, и формы этого самопознания – это герои его произведений. Исследуя «мысль семейную» в романе «Анна Каренина», писатель пытался обнаружить рецепт счастливой жизни двух различных миров, которыми являются мужчина и женщина.

Богом Толстого является чистота правды, естественность проявления, которой писатель любуется во всех формах – от блестящих глаз Анны Карениной до прелести совместного сенокоса в имении Константина Левина. Во второй главе нашего исследования мы попытались показать, как отсутствие естественных принципов жизни приводит героев романа «Анна Каренина» к краху собственных устоев, выработанных цивилизацией до них.

В обществе, построенном на лжи, по мысли Толстого, невозможно любить и быть любимым, и различные формы выражения любовного чувства – это всего лишь различные формы обмана и самообмана. Такая жизнь обрекает героев романа на разрушение различной степени – от гибели надежд на счастье (что неизбежно ожидает Константина Левина и постигло Вронского и Каренина), до смерти под колёсами железнодорожного состава.

Интересно, что железная дорога как символ грядущего Апокалипсиса проявляется и в романе «Идиот», и в романе «Анна Каренина». Железный «зверь» отторгает человека от Бога, как бы этот Бог не назывался, - совесть, красота, любовь или Спаситель.

Таким образом, романы «Идиот» Ф.М.Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, при всей разнице мировоззрений и художественных принципов их авторов, едины в главном: в утверждении невозможности

существования человека в мире, лишённом красоты и правды. Любая любовь в этом мире есть либо ложь, либо слабый свет, обречённый погаснуть.

О пророческом даре Ф.М.Достоевского современники и исследователи творчества писателя заговорят несколько позже, после выхода романа «Бесы», однако нам представляется неслучайным тот факт, что Достоевский даёт своему герою имя Лев Николаевич, создавая аллюзию отсылки к автору «Войны и мира». Видимо, уже в первом крупном романе Толстого Достоевский рассмотрел те черты проповеди великого писателя, которые много позже приведут его к разочарованию и опустошённости.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ ЛЮБВИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Тема любви в старших классах средней школы рассматривается достаточно активно, но связана, в первую очередь, с анализом лирических произведений. Действительно, тонкие переживания любовного чувства представлены в поэзии А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, Ф.И.Тютчева, поэтов Серебряного века. Их поэзия даёт возможность методически разнообразно представить приёмы изучения данной темы – от классического анализа до мультимедийного проекта. Однако любовь в прозе XIX века рассматривается не так активно – видимо, социальная насыщенность произведений критического реализма даёт о себе знать. Тем не менее, можно найти методические разработки уроков, связанных с проживанием любовного чувства в прозе И.С.Тургенева, А.И.Куприна, И.А.Бунина. Не исключение здесь и большие романы Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого. Есть разработки уроков на тему «Их воскресила любовь...» (по роману «Преступление и наказание») и «Любовь в жизни Наташи Ростовской (по роману Л.Н.Толстого «Война и мир»).

В большинстве случаев учителя-словесники не рассматривают любовь как часть мировоззрения писателя-психолога, тем более, не сопоставляют их в рамках одного урока. В этой связи мы посчитали целесообразным представить примерный конспект урока по роману Ф.М.Достоевского «Идиот» как образец попытки осмыслить особенности философии писателя через его представления о красоте, что, как мы попытались показать выше, является неотъемлемой частью любви в самом широком смысле этого слова.

Открытый урок-дискуссия

Тема: «Красота спасёт мир?!» (по роману Ф.М. Достоевского «Идиот»)

Цели:

1. Обратиться к духовным основам классической литературы и с помощью великого писателя-гуманиста дать нравственные ориентиры современному школьнику.
2. Продолжить обучение школьников терпимому отношению к иным позициям и результатам, эвристическому поиску решений и самопознанию.
3. Формировать у учащихся понимание закона многообразия путей постижения истины.

Вступительное слово учителя:

Красота присуща всему здоровому...Она есть гармония, в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству идеалы. Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность её, значит, есть и потребность здоровья, нормы... тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа.

Человек постоянно находится в пространстве мучительных вопросов бытия. Что есть красота? Каково её назначение на земле? Может ли служение красоте стать смыслом жизни? (слайд) Для каждого нового поколения, отдельного человека эти вопросы встают в своей неразрешимости и извечной притягательности.

Идеал, прекрасное, великое, красота — эти слова и понятия наиболее близки мировоззрению Ф.М. Достоевского. Писатель-гуманист создаёт самое лирическое из своих произведений — роман «Идиот» — о невероятно трудной и тернистой судьбе красоты, путь которой пролегает в гуще то ежедневной, уныло-будничной, то жестокой трагической жизни героев.

Высокую оценку роману дал М.Е. Салтыков-Щедрин: *«Стремление человеческого духа прийти к равновесию и гармонии существует непрерывно, переходит от одного поколения к другому, наполняя собой содержание истории»*. (слайд)

Проблема человеческого духа, стремящегося к гармонии, — центральная тема романа «Идиот». В центре обсуждения нашего урока один из вопросов, над которым мучительно размышлял Достоевский на страницах своего произведения: *красота спасёт мир?* (слайд)

На предыдущем уроке вам, ребята, было предложено разделить на две команды и подготовить проблемные вопросы по данной теме. Творческая группа каждой команды должна выдвинуть гипотезу и обосновать её, подготовив вопросы по обсуждаемой проблеме. Кроме того, все учащиеся принимали участие в литературно-психологической игре «Незаконченное предложение». Вам предлагалось закончить ряд предложений в соответствии с личностным пониманием идеи произведения:

Красота, в моём понимании, — это ...

Красота, в понимании Достоевского, — это ...

Князь Мышкин — это ...

Мир нуждается в спасении, потому что ...

Мир спасёт красота, если ... (слайд)

Несколько учеников читают свои предложения.

Первый этап: Итак, предлагаю творческой группе команды 1 выдвинуть свою гипотезу по проблеме «Мир спасёт красота?»

Гипотеза команды 1

По выражению Ипполита, одного из персонажей романа, «природа создаёт самые прекрасные свои создания, чтобы потом посмеяться над ними». Наша группа не согласна с подобным утверждением. Мы убеждены, что мир спасётся красотой, если люди научатся ценить и любить её, отдавать предпочтение не внешней, а внутренней красоте. Красота должна соединиться с милосердием, состраданием, пониманием, всеобщей любовью

и, главное, с самопожертвованием! Если человек будет способен на эти чувства, то это и станет его «путеводной звездой» на пути к добру, красоте и спасению.

Теперь предлагаю творческой группе команды «выдвинуть свою гипотезу

Гипотеза команды 2

Красота спасёт мир, если каждый человек будет понимать смысл, который вкладывал в понятие красоты сам Фёдор Михайлович Достоевский. А это — любовь к ближнему, кротость, смирение, отсутствие гордыни, духовная потребность в прекрасном, в христианских идеалах. Мир спасётся, если выбор пути, указанного писателем-гуманистом, будет у каждого из нас свободным и осознанным.

Второй этап: — обмен творческих групп проблемными вопросами.

Начинается **интеллектуальный турнир**. На обсуждение вопроса устанавливается регламент — 2–3 минуты. Учитель фиксирует время обсуждения. Затем каждая из команд поручает одному из своих членов дать развёрнутый ответ на поставленный оппонентами вопрос. При необходимости дополняют ответ одноклассника. В случае несогласия с высказанным суждением предлагают свой вариант ответа. Команда, задавшая вопрос, оценивает ответ «соперников» по пятибалльной системе. Эта оценка будет выставлена в журнал.

Учитель выполняет в процессе дискуссии координирующую функцию, следит за соблюдением этики дискуссии, ответы учеников не комментирует, своего мнения до конца урока не высказывает.

Вопросы команды 1

— Назовите жизненный принцип, кредо князя Мышкина. Какими христианскими понятиями руководствуется князь в своём поединке за спасение человеческих душ? Как к этим ценностям относятся другие персонажи? Была ли высокая цель князя понята хотя бы одним героем романа?

— «Чуждые миру в силу любви к миру, нереальные в силу страсти к реальному, герои Достоевского сперва кажутся несколько наивными. У них нет определённой цели: точно слепые или пьяные, шатаясь, бродят по миру эти всё же взрослые люди». Можно ли эти слова отнести к образу князя Мышкина? Действительно ли у него нет определённой цели?

— Почему сёстры Епанчины сравнивают князя с «рыцарем бедным»?

— Что означает обмен крестами между Рогожиным и Мышкиным на религиозно-философском уровне?

— Как вы считаете, красота Настасьи Филипповны спасительная или разрушительная? Почему князь поцеловал её портрет? Как по этому портрету он определил судьбу Настасьи Филипповны?

— Глядя на портрет Настасьи Филипповны, художница Аделаида Епанчина приходит к выводу, что такая красота — «сила», с которой «можно мир перевернуть». Прокомментируйте эту мысль.

— С образом Настасьи Филипповны связана тема оскорблённой и поруганной красоты. Что, по-вашему, могло спасти красоту героини?

— Почему в начале романа Мышкин говорит о красоте и страсти в лице Настасьи Филипповны, а позднее скажет: «Может ли даже это лицо внушать теперь страсть? Оно внушает страдания, оно захватывает всю душу...» Прокомментируйте эти два разных восприятия Мышкиным внешности героини.

— В каких персонажах романа князь запрещает «бросать камни»? Почему? Проведите параллель с Евангелием.

— Достоевский писал в романе «Братья Карамазовы»: «Красота — это страшная и ужасная вещь!.. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Красота!.. иной, высший с сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Как данная мысль соотносится с идеей романа «Идиот»?

— Одним из убеждений Фёдора Михайловича было то, что истина, красота и добро — неотделимые друг от друга понятия. А что, по мнению Мышкина, является красотой и «высшим синтезом жизни»? Соотносятся ли точки зрения писателя и персонажа романа?

— Почему попытки Мышкина, прекрасные его устремления «восстановить и воскресить человека» обречены на провал?

— По мере прохождения князем пути к «новой жизни» к нему возвращается падучая болезнь, а в финале романа он сходит с ума и становится совершенно неузнаваемым. Как это соотносится с духовным подвигом Христа? Как вы думаете, можно ли финал романа считать закономерным?

— Может ли мир спасти красота без возрождения души человека? Может ли один человек, несущий гуманистические идеи, спасти мир разобщённых, эгоистичных людей?

— Нужны ли миру такие люди, как Мышкин? Какова участь Мышкиных в современном мире?

Вопросы команды 2

— С какой идейно-художественной целью в заглавии романа Достоевский называет своего «положительно-прекрасного» героя идиотом, когда весь замысел произведения направлен на создание идеального героя, князя-Христа? Как название романа связано с многовековой традицией изображения «дурака» или юродивого в народных сказках и древнерусской литературе?

— Как соотносятся друг с другом описание внешности князя Мышкина и его духовная сущность? Почему все окружающие тянутся к нему? В чём заключается его обаяние?

— Почему Настасья Филипповна перед уходом с Рогожиным, обращаясь к князю, говорит: «Прощай, князь, в первый раз человека видела»? Что значит в её понимании слово «человек»?

— Какое значение в романе имеет тема детства? Почему многие персонажи романа сравнивают князя Мышкина с ребёнком? Почему ему так легко и хорошо среди детей?

— Каким видит князь будущее России: православной или утопающей в атеизме?

— От чего надо отказаться, по мнению Достоевского, чтобы в человеке победило нравственное начало? Как, по мнению писателя, можно стать **человеком**?

— Счастлив ли князь? Мотивируйте свой ответ.

— Что имел в виду князь, когда говорил: «Красоту трудно судить, а я ещё не приготовился. Красота — загадка»?

— Что привлекало князя в Настасье Филипповне и Аглае? Почему все окружающие тянутся к нему?

— Ницше называл Мышкина Христом. Согласны ли вы с мнением философа? Обоснуйте свой ответ.

— Чем Мышкин отличается от других «кротких» героев Достоевского?

— «Красотой мир спасётся». О какой красоте идёт речь? Может ли внешняя, физическая красота спасти мир? В чём её высший смысл?

— Почему призывы князя к любви, милосердию и добру потерпели неудачу?

— Лев Николаевич Мышкин живёт сердцем и решает мучительные вопросы, но не может изменить жестокие законы жизни. Почему? Почему он никого не сделал счастливее?

Третий этап: участники возвращаются к ранее выдвинутым гипотезам и выясняют, подтвердились ли гипотезы или нет.

Творческая группа 1 внесла изменение в первоначальный вариант предположения: *«Князь Мышкин не мог осчастливить людей, потому что он обыкновенный человек, а не Богочеловек, как Христос. На первый взгляд никого князь не сделал счастливее, но можно с полным основанием сказать,*

что в жизни почти всех персонажей он сыграл благотворную роль, а значит, духовная красота человека — единственно спасительная сила в этом жестоком мире. Мы убеждены, что даже один человек, наделённый христианскими добродетелями, способен изменить окружение к лучшему».

Команда 2 дополнила подтвердившуюся гипотезу одной мыслью, возникшей в процессе обсуждения проблемы: *«Когда человек духовно вырастает, он способен не только принять красоту как величайшую ценность и смысл жизни, но и сохранить её для окружающих, указать другим путь истинной красоты. Такая красота спасительна, но судьба её в романе Фёдора Михайловича трагична. В нашем дискуссионном клубе прозвучало много глубоких, оригинальных мыслей, но мы прекрасно понимаем, что осталась ещё бездна невыясненного в проблеме о возможности спасения мира, наверное, поэтому Достоевский нам интересен...»*

Затем учащиеся делятся впечатлениями о совместной работе над поставленной проблемой, об «открытиях», которые они для себя сделали, о своих сомнениях и нерешённых вопросах, отмечают наиболее глубокие, оригинальные вопросы и ответы своих оппонентов.

Итог:

В чём заключается мой результат?

Какова его роль и место в общем результате?

Верной ли оказалась гипотеза?

Какие изменения она претерпела?

Как повлияла дискуссия на моё восприятие исследуемой проблемы? (слайд)

Заключительное слово учителя: Ф.М. Достоевский тревожился за судьбу человека в мире, где добро стоит на одних весах со злом. Писатель-гуманист был убеждён, что «яростный» и ожесточённый мир нуждается в спасении, и эта тема грустной, щемящей музыкой звучит в его романе «Идиот». В подготовительных записках к роману, озаглавленных «Нотабена

и словечки», Достоевский писал: «Мир красотой спасётся», имея в виду прежде всего освящённую страданием, одухотворённую красоту. Писатель в лице Льва Николаевича Мышкина противопоставляет миру эгоизма и своекорыстия любовь и милосердие.

Способна ли красота спасти мир? Этот вопрос волновал всех участников дискуссии. Вы обратили внимание на то, что в формулировке обсуждаемой проблемы стояло три пунктуационных знака: **вопросительный знак (вопрос, сомнение, рефлексия), восклицательный (радость открытия, восторг) и точка (утверждение)?**

Состоявшийся разговор никого не оставил равнодушным. Каждый из вас вынес из сегодняшней дискуссии сокровенные мысли о роли красоты в мире, сделал свои маленькие «открытия»; но я уверена, что мучительные вопросы: *«Что есть красота? Зачем её обожествляют люди? В чём её сила и слабость? Способна ли красота преобразить человека и спасти мир? Какова судьба красоты в современном мире?»* (слайд) — всю жизнь будут волновать ваш разум и сердце.

Многие из вас говорили, что мир спасёт красота, а вот религиозный мыслитель XX века Николай Александрович Бердяев был убеждён, что **красота сама нуждается в защите**. Что вы скажете по поводу этого высказывания философа? Пусть размышление на эту тему станет вашим домашним заданием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, хочется сказать, что русская литература XIX века постоянно обращалась к теме любви, пытаясь понять ее философский и нравственный смысл. В этой традиции эрос понимался широко и многозначно, прежде всего, как путь к творчеству, к поискам духовности, к нравственному совершенствованию и моральной отзывчивости. Концепция эроса предполагает единство философии и понятия любви, и поэтому она так тесно связана с миром литературных образов.

Тема любви в литературе всегда была актуальна. Ведь любовь – это самое чистое и прекрасное чувство, которое воспевалось еще с античных времен. Любовь одинаково волновала воображение человечества всегда, будь это любовь юношеская или более зрелая. Любовь не стареет. Люди не всегда сознают истинную мощь любви, ибо, если бы они сознавали ее, они бы воздвигали ей величайшие храмы и алтари и приносили величайшие жертвы, а меж тем ничего подобного не делается, хотя Любовь этого заслуживает. И поэтому поэты, писатели всегда старались показать истинное ее место в человеческой жизни, отношениях между людьми, находя свои, присущие именно им приемы, и, выражая в своих произведениях, как правило, личные взгляды на это явление человеческого бытия. Ведь Эрот – самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги, как физические, так и нравственные, исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем.

Начиная работу над данным исследованием, мы ставили перед собой следующие задачи:

5. Рассмотреть концепцию любви, выраженную в художественной системе романа Ф.М.Достоевского «Идиот»
6. Выявить основные формы выражения любовного чувства в концепции романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина»

7. Сопоставить два уровня философского мировоззрения и проследить сходство и различие в осмыслении данной темы у Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого.

8. Рассмотреть методический аспект преподавания данной темы в средней школе

В процессе исследования мы пришли к следующим выводам:

Два великих романа двух гениев русской литературы второй половины 19 века – Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого – посвящены теме любви. Оба писателя являются глубочайшими мыслителями своего времени, и эта особенность не могла не сказаться в поэтике их романов.

Роман Ф.М.Достоевского «Идиот» (1868) ставил своей целью рассмотреть судьбу «положительно прекрасного человека» в современном писателю мире. Главный герой, князь Мышкин, воплощает собой красоту душевного чувства и абсолютное доверие к миру, что для писателя является символом божественной любви. Божественная любовь «князя Христа», как называл главного героя писатель в черновых заметках к роману, равно принимает и падшую, «порченную» Настасью Филипповну, и чистую в своём первом чувстве Аглаю. Даже в обуреваемом страстью Парфёне Рогожине он видит образ Божий, называя его своим крестным братом. В философии Достоевского, которую называют Христоцентрической, главное место занимает образ Христа, поэтому ориентация на него определяет всю образную систему романа. Христос – это нравственный индикатор любви героев, проверка истинности и красоты их чувства. Однако эту проверку никто пройти не в состоянии, поэтому все герои романа либо погибают, либо несчастны. В мире, обделённом красотой Божественного чувства, нет спасения, поэтому и главный герой не в состоянии спасти никого. Он является воплощением чисто человеческого чувства, лишённого божественного покровительства, которое часто присутствует у людей, верующих в Христа. Поэтому возвращение в небытие – закономерный итог жизненного пути князя Мышкина.

Основной конфликт романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» (1877) – это конфликт правды и лжи, воплощённый в «мысли семейной». Писатель полагал, что современная ему цивилизация во всех её институтах, включая институт брака и церкви, породила колоссальную ложь, убивающую челоическую душу и совесть как основное качество души. В художественном пространстве романа он рассматривает, каким образом искреннее чувство, рождённое в душе главной героини, обрекает её на гибель, поскольку не даёт возможности достижения гармонии между любовью и разумом. Художественная мысль Л.Н.Толстого представляет несколько моделей семьи и брака, в которых любовь играет определённую роль. Это может быть любовь-страсть, как у главной героини романа, любовь-капкан, как у Алексея Вронского, любовь-флирт, как у типичных представителей светского общества Бетси Тверской или же брата Анны, Стивы. Попытку выстроить идеальную модель любви и брака у alter ego писателя Константина Левина тоже нельзя назвать абсолютной удачей, поскольку Левину так же трудно примирить свои идеальные установки с реальностью, как и Анне Карениной.

Сопоставляя два великих романа, можно сделать вывод о том, что оба писателя стремились исследовать возможность создания идеальной модели жизни, основанной на любви. Однако опора при этом у них различна: Достоевский стремится к христианской модели, даже в том случае, когда прямо не говорит о Христе, у Толстого же эта опора – разум и совесть. Но и в том, и в другом случае писатели показывают пагубную силу эгоистической страсти в мире, лишённом твёрдых нравственных устоев. Семья же всегда остаётся главным индикатором нравственного неблагополучия, поэтому разрушение семьи, представленное в обоих романах, – это знак катастрофического состояния мира.

Тема любви актуальна для любого возраста и, может быть, особенно интересна для старшеклассников, многие из которых проживают это чувство впервые. Именно поэтому представляется важным правильная методическая подготовка при изучении этой темы в старших классах средней школы.

Однако данная тема в контексте нашего исследования представляется достаточно сложной для методиста в силу нескольких причин: во-первых, фрагментарностью изучения данных произведений в рамках средней школы, во-вторых, сложностью философских концепций, представленных в романах, в-третьих, сложностью сопоставительного анализа как такового. Именно поэтому в третьей главе нашей работы представлен пример урока по творчеству Ф.М.Достоевского, позволяющий порассуждать на тему, представленную как одна из основных в романе Ф.М.Достоевского «Идиот»: может ли красота спасти мир? Отвечая на этот философский вопрос, школьники смогут выйти на осмысление темы любви в новом, незнакомом для себя ракурсе, - через призму вечных истин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 107-224.
2. Вахтель Э. «Идиот» Достоевского. Роман как фотография//Новое литературное обозрение. – М., 2002, № 57 [URL: <http://www.durov.com/literature2/vachtel-02.htm>] (дата обращения: 13.08.2016)
3. Велкова Н.М. «Русский Эрос, или Философия любви в России», «Просвещение», М.1991 г.
4. Горький М. Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2007. – 465 с.
5. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. М., 1963. С.280-286.
6. Достоевский Ф.М. Идиот. Роман.//Ф.М.Достоевский. Собр.соч.: в 15-ти тт., т.6. Л.: Наука, 1989. – 509 с.
7. Достоевский Ф.М. Подросток. Роман// Ф.М.Достоевский. Полное собр.соч.: в 30-ти тт. Т.13. Л.: Наука, 1975. – 452 с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. Т. 8. - Л.: Наука, 1972-1990. - 422 с.; Т. 9. -Л.: Наука, 1972-1990. – 527 с.
9. Иван Ильин за 60 минут. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты. СПб., 2007. 169 с.
- 10.Ильин И.Д. Путь к очевидности: сочинения. М., 1998. 912 с.
- 11.Касаткина Т. А. «И утаил от детей...»: причины непроницательности князя Льва Мышкина// Достоевский и мировая культура. – 1995. - № 4. М. - С. 51-61
- 12.Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века. Учебник для вузов. В трех частях. Часть 2. М.: Просвещение, 2007. – 483 с.
- 13.Литературные герои: Словари и энциклопедии. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://endic.ru/heroes/Oblonski-386.html>

14. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание [URL: <http://bookitut.ru/Dostoevskij-i-ego-khristianskoe-miroponimanie.33.html>] (дата обращения: 13.08.2016)
15. Мень А. Религиозно-философские взгляды Льва Толстого // Мень А. Русская религиозная философия. Лекции. М., 2008. С. 102-141.
16. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995
17. Петрова А.А., Руднева И.С. Разноликая любовь в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(1). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/1\(4\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/1(4).pdf) (дата обращения: 08.05.2018)
18. Письма, статьи, дневники Л.Н. Толстого с комментариями психолога А. Шубникова. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tolstoj.ru/1875.html>
19. Погорельцев В.Ф. «Искусство общежития: о романе Ф.М. Достоевского «Идиот». - М.: ТЦ «Сфера», 1998. – 188 с.
20. Полторацкий Н.П. Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение. Нью-Йорк, 1989 // Иван Ильин за 60 минут. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты. СПб., 2007.
21. Померанц Г. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. – 386 с.
22. Розанов В. Люди лунного света: метафизика христианства. СПб., 2008. 272 с.
23. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М., 1991. С. 99-160.
24. Соловьев, В.С. Три речи в память Достоевского [Электронный ресурс] / В.С. Соловьев. – URL: // <http://www.vehi.net/soloviev/trirechi.html>

25. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Роман. // Л.Н.Толстой. Собр.соч. в 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Тт. 8, 9.
26. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? / вступ. ст. А. Меня; послеслов. А. Панченко; подгот. текста Г. Галаган. Л., 1990. - 416 с.
27. Франк С.Л. С нами Бог / сост. и предисл. А.С. Филоненко. М., 2003. С. 437-744.
28. Шишхова Н.М. Переоценка ценностей (Л.Н. Толстой и научные идеи его времени) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 2. С. 28-32.
29. *Энциклопедия литературных героев: Русская литература 2-й половины XIX в.* - М.: Олимп; ООО "Издательство АСТ", 1997
30. Fausset H.A. Tolstoy. The inner drama. N. Y., 1968 // Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 519.
31. Greenwood E.B. Tolstoy: the comprehensive vision. L., 1975 // Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 519.